

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ

1918 ГОД
НА УКРАИНЕ

Белое движение в России

1918 год на Украине. Том 5

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

1918 год на Украине. Том 5 / «Центрполиграф», 2023 — (Белое движение в России)

ISBN 978-5-227-10006-1

Книга «1918 год на Украине» представляет собой пятый том из серии, посвященной Белому движению в России, и знакомит читателя с воспоминаниями участников событий и боев на Украине в период конец 1917—1918 гг. Гражданская война велась здесь в сложном идеологическом и националистическом противостоянии. В книге впервые с такой полнотой представлены свидетельства не только руководителей антикоммунистической борьбы, но и ее рядовых участников, позволяющие наглядно представить обстановку и атмосферу того времени, психологию и духовный облик первых добровольцев. За небольшим исключением помещенные в томе материалы в России никогда не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость. Том снабжен предисловием и обширными комментариями, содержащими несколько сот публикуемых впервые биографических справок об авторах и героях очерков.

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-227-10006-1

, 2023

© Центрполиграф, 2023

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Раздел 1	10
КОРНИЛОВЦЫ В КИЕВЕ1	10
Б. Сырцов8	13
П. Стефанович16	17
Н. Могилянский22	20
А. Гольденвейзер37	48
Раздел 2	53
А. Лукомский40	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

1918 год на Украине. Том 5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятый том серии «Белое движение в России» посвящен событиям 1918 года на Украине – главным образом борьбе русских офицерских добровольческих формирований, которые возникли, как правило, в недрах гетманской армии и впоследствии стали важным фактором развития Белого движения как на юге России, так и на западе и севере страны. События эти известны довольно плохо, а иногда практически неизвестны, и публикация собранных здесь воспоминаний поможет восстановить еще одну забытую страницу белой борьбы в России.

Ситуация, сложившаяся в конце 1917 года на Украине, была крайне запутанной. Здесь находилось значительное число офицеров – как проживавших на этой территории и служивших до войны в Киевском военном округе, так и масса тех, кто застрял на Юго-Западном и Румынском фронтах или не смог добраться до Центральной России. Киев был переполнен русскими офицерами, спасшимися из большевизированных частей. По приказу пришедшей к власти и провозгласившей в начале 1918 года независимость Украины Центральной Рады правом жительства пользовались только проживавшие в городе до 1 января 1915 года. Все остальные обязаны были регистрироваться. В подтверждение выдавалась темно-красная карточка, так называемый «красный билет», послуживший позже предлогом к притеснениям и расстрелам их носителей со стороны большевиков.

Большевики во главе с М.А. Муравьевым, 26 января 1918 года захватившие Киев и ликвидировавшие Раду, истребили там множество офицеров. По сведениям Украинского Красного Креста, общее число жертв исчисляется в 5 тысяч человек, из коих большинство, до 3 тысяч, офицеры. Называются также цифры от 2 до 6 тысяч погибших офицеров. Во всяком случае, это была одна из крупнейших, если не самая крупная за 1917—1919 годы единовременная расправа над офицерами.

Жертвы во время большевистского наступления были и в других городах. В частности, в Полтаве, захваченной большевиками 5—6 января, были перебиты оказавшие сопротивление юнкера эвакуированного туда Виленского военного училища (лишь части их удалось пробиться). Некоторые офицеры в целях самообороны объединялись в партизанские отряды, ведшие борьбу с различными бандами.

С установлением власти гетмана генерал-лейтенанта П.П. Скоропадского положение русских офицеров на Украине изменилось радикальным образом. Если не считать действий петлюровских банд, жертвами которых в числе прочих становились и офицеры, в период с весны до осени 1918 года они находились там в относительной безопасности. Гетманом были даже ассигнованы денежные суммы для выдачи находящимся на Украине офицерам. В это время Украина и особенно Киев превратились в Мекку для всех, спасающихся от большевиков из Петрограда, Москвы и других местностей России. К лету 1918 года в Киеве насчитывалось до 50 тысяч офицеров, в Одессе – 20, в Харькове – 12, в Екатеринославе – 8 тысяч. Как вспоминал генерал барон П.Н. Врангель: «Со всех сторон России пробивались теперь на Украину русские офицеры. Частью по железной дороге, частью пешком через кордоны большевистских войск, ежеминутно рискуя жизнью, старались достигнуть они того единственного русского уголка, где надеялись поднять вновь трехцветное русское знамя, за честь которого пролито было столько крови их соратников. Здесь, в Киеве, жадно ловили они каждую весть о возрождении старых родных частей. Одни зачислялись в Украинскую армию, другие пробирались на Дон, третьи,

наконец, ехали в Добровольческую армию». В Харькове и ряде других городов существовали офицерские организации, насчитывавшие по несколько сот или даже тысяч членов.

Одной из форм самоорганизации офицерства была служба в гетманской армии. Гетманская власть, в отличие от петлюровской, не была на деле ни националистической (лишь по необходимости употребляя «самостийные» атрибуты и фразеологию), ни антироссийской. Это давало возможность даже возлагать некоторые надежды на нее и ее армию как на зародыш сил, способных со временем освободить от большевиков и восстановить всю остальную Россию. Гетманская армия состояла из кадров 8 корпусов, 20 пехотных и 4 кавалерийских дивизий, 6 кавалерийских бригад, 16 легких и 8 тяжелых артбригад. Эти кадровые части состояли исключительно из подразделений старой российской армии (11-й, 12-й, 15-й, 31-й, 33-й, 42-й пехотных, 3-й и 4-й стрелковых, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й кавалерийских, подразделений 4-й, 13-й, 14-й, 19-й, 20-й, 32-й, 34-й, 44-й пехотных, 3-й и 16-й кавалерийских дивизий). Все должности в гетманской армии занимали русские офицеры, в абсолютном большинстве даже не украинцы по национальности.

Все начальствующие лица армии были произведены в генеральские и штаб-офицерские чины еще в русской армии и оказались в гетманской армии в большинстве потому, что стояли во главе соединений и частей, подвергшихся в конце 1917 года «украинизации». Из примерно 100 лиц высшего комсостава гетманской армии лишь менее четверти служили потом в украинской (петлюровской) армии, большинство впоследствии служили в белой армии, часть погибла в ходе петлюровского восстания или эмигрировала, а некоторые оказались в Красной армии. Части гетманской армии и осенью 1918 года обычно представляли собой «украинизированные» в 1917 году части старой русской армии с прежним офицерским кадром. Собственно, все 64 пехотных (кроме 4 особых дивизий) и 18 кавалерийских полков представляли собой переименованные полки русской армии, $\frac{3}{4}$ которых возглавлялись прежними командирами. Гетманская армия дала многих офицеров и генералов как Вооруженным силам Юга России, так и Северо-Западной армии генерала Юденича.

Но гораздо более важное значение имела другая форма организации офицерства – создание русских добровольческих формирований. Организацией таковых в Киеве занимались генерал И.Ф. Буйвид (формировал Особый корпус из офицеров, не желавших служить в гетманской армии) и генерал Л.Н. Кирпичев (создававший Сводный корпус Национальной гвардии из офицеров военного времени, находящихся на Украине, которым было отказано во вступлении в гетманскую армию). Офицерские дружины, фактически выполнявшие функции самообороны, впоследствии стали единственной силой, могущей противодействовать Петлюре и оказывавшей ему сопротивление. Формирования эти имели различную ориентацию – как союзническую (считавшие себя частью Добровольческой армии), так и прогерманскую, и их руководители часто не находили общего языка, что усугублялось характерной для того времени атмосферой неизвестности и неопределенности.

При новом же повороте событий, начавшемся осенью 1918 года с подъемом петлюровского движения, уходом германских войск и одновременным наступлением большевиков, ориентироваться в обстановке стало еще труднее. Хаос, царивший на Украине в это время, хорошо характеризуется, например, положением Екатеринослава, о котором сводка в середине ноября 1918 года сообщала: «Город разделен на пять районов. В верхней части укрепились добровольческие дружины, в районе городской думы – еврейская самооборона, далее – кольцом охватывают немцы; добровольцев, самооборону и немцев окружают петлюровцы и, наконец, весь город – в кольце большевиков и махновцев». В боях против петлюровцев и большевиков наряду с другими русскими отрядами приняли участие и небольшие части, формировавшиеся при вербовочных бюро Южной армии в разных городах Украины.

Гетман в последний момент откровенно принял прорусскую ориентацию и пытался войти в связь с командованием Добровольческой армии. Им было издано распоряжение о регистра-

ции и призвании на службу офицеров и дано разрешение на формирование дружин русских добровольцев. Но надежды его не оправдались, было мобилизовано едва 6—8 тысяч человек. Неудача формирования гетманом своей русской Добровольческой армии была предрешена той враждой и недоверием, которые испытывала по отношению к «Украинской державе» значительная часть русского офицерства. Ситуация в разных местах Украины и судьбы офицерства складывались по-разному – в зависимости от наличия или отсутствия решительных начальников, оружия, численности и степени организованности офицерства и других причин.

Наиболее известна киевская добровольческая эпопея (один из немногих эпизодов Гражданской войны, знакомых советскому читателю благодаря «Белой гвардии» и «Дням Турбинных» М.А. Булгакова). Формирование осенью 1918 года в Киеве русских добровольческих дружин проходило в той же обстановке, как за год до того на Дону. Непосредственно в Киеве были созданы подразделения как Особого, так и Сводного корпусов. В киевских частях Особого корпуса 1-й дружиной командовал полковник князь Святополк-Мирский, 2-й – полковник Рубанов (эта дружина вскоре была влита в состав 1-й). Кроме того, в корпусе при штабе гетманской Сердюцкой артиллерийской бригады формировался 1-й Отдельный офицерский артиллерийский дивизион. К Сводному корпусу относилась Киевская офицерская добровольческая дружина генерала Кирпичева, по численности превосходившая полк полного состава. Дружина имела 5 действующих пехотных отделов, 3 резервных, не успевшие оформиться, один инженерный и конный отряды. Численность русских офицерских дружин при Скоропадском достигала от 2 до 3—4 тысяч человек. Но это было меньшинство из находившихся в ту пору в Киеве офицеров. Большинство так и осталось вне борьбы, что, однако, не помогло ему избежать общей участи после захвата города петлюровцами. Главнокомандующим был назначен граф Ф.А. Келлер, очень скоро обнаруживший полное нежелание подчиняться гетману и 27 ноября замененный князем А.Н. Долгоруковым. Отношения последнего с русским офицерством осложнились и тем еще обстоятельством, что ему пришлось арестовать представителя Добровольческой армии в Киеве генерала П.Н. Ломновского (который издал приказ, предписывающий русскому офицерству, образовавшему в Киеве добровольческие отряды, провозгласить себя частью Добровольческой армии и подчиняться лишь исходящим от нее приказаниям), и, хотя инцидент был быстро ликвидирован после отмены приказа, последствия его еще более ухудшили отношение офицерства к гетману.

Когда немцы отказали гетману в поддержке, петлюровцам, сжимавшим кольцо вокруг Киева, противостояли только русские офицерские отряды, членов которых часто ждала трагическая судьба. Тяжелейшее впечатление произвело, в частности, истребление в Софиевской Борщаговке под Святошином подотдела (взвода) 2-го отдела дружины Л.Н. Кирпичева (из состава которого 5 человек было убито на месте и 28 расстреляно, причем трупы их были изуродованы крестьянами). После падения Киева множество офицеров пали жертвами победителей. В ночь на 21 декабря 1918 года вместе с двумя своими адъютантами погиб граф Ф.А. Келлер. Любопытно, что в петлюровской «Украинской народной республике» смертной казни по закону не существовало, и убийства офицеров происходили «неофициально». Как отмечали очевидцы: «Расстрелы... производились исподтишка, украдкой. Встретят на улице русского офицера, или вообще человека, по возрасту и обличью похожего на офицера, выведут на свалку, пристрелят и тут же бросят. Иногда заперют шомполами насмерть, иногда на полусмерть. Во время междуцарствия, когда Петлюра ушел из Киева, а большевики еще не вошли, было найдено в разных частях города около 400 полуразложившихся трупов, преимущественно офицерских». Защитники Киева были собраны в Педагогическом музее и Педагогическом институте. Сюда же на протяжении недели доставлялись офицеры, взятые в плен на Полтавщине и Черниговщине. По разным свидетельствам, в Педагогическом музее на Владимирской было помещено от 600—800 до 4 тысяч пленных офицеров. Генералов и полковников позже отвезли в Лукьяновскую тюрьму. Значительной части их под различными предло-

гами удалось позже освободиться, около 450 человек было вывезено в Германию. Эти офицеры попали потом (через Англию) в Архангельск, где приняли участие в борьбе против большевиков на Северном фронте. Группа офицеров бывшей Киевской добровольческой дружины генерала Кирпичева во главе с гв. штабс-ротмистром В. Леонтьевым и ряд других офицеров воевали потом в составе 3-го полка Ливенской дивизии Северо-Западной армии. Однако содержащиеся в Лукьяновской тюрьме были в начале 1919 года захвачены там большевиками и расстреляны.

По-другому развернулись события в Екатеринославе, где стоял 8-й корпус гетманской армии (генерала И.М. Васильченко), офицеры которого были в большинстве прорусской ориентации и враждебны сепаратизму. В городе существовала и офицерская добровольческая дружина. При петлюровском восстании корпус отказался разоружиться. На созванном митинге было решено покинуть город и идти на соединение с Добровольческой армией. Ночью 27 ноября отряд во главе с генералом Васильченко — 43-й и 44-й, Новороссийский конный и артиллерийский полки, добровольческая дружина, бронедивизион, радио- и инженерная части, лазарет — численностью всего около 1000 человек (большинство офицеры) при четырех орудиях тайно выступил на юг (петлюровцы расстреляли некоторых оставшихся в городе офицеров и членов семей ушедших) и, ведя бои с петлюровцами 22 декабря (2 января), достиг Перекопа. Участники Екатеринославского похода (позже для них был учрежден особый знак отличия) составили основную часть имевшихся тогда в Крыму белых войск и сыграли важную роль в борьбе на этом участке фронта Добровольческой армии.

В Полтаве, где стоял 6-й корпус, служило несколько сот офицеров (с призывом офицеров после начала петлюровского восстания их число по меньшей мере удвоилось). Сводный отряд из его офицеров корпуса генерал-майора Н.Н. Купчинского вел бои с наступавшей петлюровской дивизией полковника Болбочана, а потом был распущен (часть его отошла к Миргороду, где присоединилась к отряду капитана 1-го ранга М.М. Римского-Корсакова). В самой Полтаве 27 ноября группа офицеров сдалась после перестрелки в здании губернского правления.

Несколько десятков офицеров Особого корпуса (офицерские русские группы из отпущенных чинов Добровольческой армии и добровольцев) во главе с полковником М. Соболевским с 22 ноября обороняли подступы к Полтаве у станции Селещина. После взятия Полтавы большинство Селещанского отряда (с 1 декабря — Отдельный Полтавский добровольческий батальон, 65 штыков) — отказалось сдаваться и вместе с примкнувшими к нему офицерами Особого корпуса с Харьковского направления во главе с подполковником А.К. Корольковым и кадрами 34-го Севского полка решило под командованием капитана 2-го ранга С.М. Ратманова пробиться на Кременчуг.

Часть бригады полковника Ратманова разоружилась в еще занятых немцами Лубнах, а остальные 22 декабря двинулись на Одессу, но, получив известия о ее падении, вынуждены были капитулировать 27-го у деревни Таганчи. Некоторые были убиты, а большинство вывезено в Германию, откуда после пятимесячного пребывания в лагерях переброшено в Ливенский отряд в Прибалтику, где они послужили ядром 3-го Полтавского полка.

В ряде других городов также были созданы русские офицерские отряды, стремившиеся пробиться на соединение с белыми войсками. В частности, в Старобельске сформировалась офицерская дружина, вскоре переименованная в Старобельский офицерский отряд (102 штыка), которая вместе с 12-м Донским полком двинулась на юг и вошла в состав Донской армии. В Мариуполе после ухода немцев был также образован офицерский отряд, который телеграммой генерала Деникина был зачислен в состав Добровольческой армии.

В Одессе в декабре 1918 года на пароходе «Саратов» под началом генерала А.Н. Гришина-Алмазова из войск 3-го Одесского гетманского корпуса были сформированы офицерские добровольческие части, которые освободили город от петлюровцев. В начале 1919 года генералом Н.С. Тимановским из них была сформирована Одесская бригада, участвовавшая

в боях под городом и отошедшая в Румынию, а потом переправленная в Новороссийск. При эвакуации Одессы многие офицеры были расстреляны и убиты местными большевиками еще до полного оставления города. В общей сложности в 1918 году в ходе событий на Украине от рук большевиков, петлюровцев и различных банд погибло до 10 тысяч русских офицеров.

Материалы тома сгруппированы по разделам. В первом из них собраны материалы, посвященные положению на Украине в конце 1917 года и событиям в Киеве в январе 1918 года, во время первого занятия его большевиками, во втором – событиям весны—лета 1918 года, в третьем – обороне Киева от петлюровцев в ноябре—декабре 1918 года, в четвертом – борьбе русского офицерства в добровольческих частях в других местах Украины осенью—зимой 1918 года, в пятом – Екатеринославскому походу и в шестом – событиям в Одессе.

Большинство публикаций приводятся полностью. Из крупных трудов взяты только главы и разделы, непосредственно относящиеся к теме. Авторские примечания помещены (в скобках) в основной текст. Стилистика везде сохранена, исправлялись лишь очевидные опечатки и грамматические и синтаксические ошибки.

С.В. Волков

Раздел 1 СОБЫТИЯ КОНЦА 1917-ГО – НАЧАЛА 1918 ГОДА

КОРНИЛОВЦЫ В КИЕВЕ¹

В конце сентября корниловцы со 2-м Чехословацким полком, под общим командованием полковника Леонтьева, были спешно переброшены в Киев. Весь Киев бурлил. Сепаратистские течения украинцев-националистов усиливались. «Союз освобождения Украины» дошел до того, что послал приветственную телеграмму австрийскому генералу Пухало с пожеланием «дальнейшего победного напора славной австро-венгерской армии в самое сердце Украины – в Киев, во славу Его Величества Императора Франца-Иосифа». В конце концов украинцы объединились с большевиками и под руководством генерального секретаря Петлюры и большевистского комиссара Пятакова подняли восстание. Правительственный комиссар доктор Леонтьев от имени Временного правительства вызвал к себе на помощь корниловцев и чехов. По прибытии отряда в Киев Чехословацкий полк остался в предместье Киева, а корниловцы должны были разместиться в Константиновском военном училище. Когда полк шел по городу и проходил мимо арсенала, всех удивило, что около него толпятся вооруженные рабочие. Только в самом училище полковник Неженцев² узнал, что арсенал захвачен большевиками. Корниловцы немедленно приняли меры предосторожности и выставили охранение. В ту же ночь большевики повели наступление на Константиновское военное училище, но сразу были отбиты. В течение трех дней большевики повторяли свои атаки, пытаясь овладеть училищем, обстреливали его даже артиллерийским огнем, но были всегда отбрасываемы с большим для них уроном. Здесь был убит командир 10-й роты поручик Григорьев. Украинский Георгиевский полк через парламентариев предложил полковнику Неженцеву сдать оружие, на что получил ответ классической фразой: «Придите и возьмите!» Украинцы пошли в атаку, но потерпели поражение. Были и у корниловцев убитые и раненые. Окруженные со всех сторон корниловцы оказались отрезанными от полковника Леонтьева и от штаба округа. Чехи под влиянием комиссара Макса объявили нейтралитет и уехали обратно. Начальник отряда тоже бросил корниловцев на произвол судьбы. Власть в Киеве окончательно перешла к большевикам в блоке с украинской Радой. Начальник украинского штаба Павлюченко предложил корниловцам перейти в подчинение украинской Рады и стать ее сердюцким (гвардейским) полком. Неженцев только рассмеялся и потребовал или отправить его полк на Дон, или же снова в Чешский корпус³. Порешили на последнем. Но, опасаясь расправы украинцев с юнкерами

---

¹ Впервые опубликовано: Материалы для истории Корниловского ударного полка. Сост. М.Н. Левитов. Париж, 1974.

² **Неженцев Митрофан Осипович**, р. в 1886 г. Сын коллежского асессора. Окончил Николаевскую гимназию, Александровское военное училище (1908), академию Генштаба (1914). Подполковник, командир 1-го ударного (Корниловского) полка. Участник боев в Киеве в октябре 1917 г. 19 декабря 1917 г. привел в Новочеркасск остатки полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода во главе Корниловского полка. Полковник. Убит 30 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

³ Речь идет о Чехословацком корпусе. Он был сформирован в 1917 г. на Юго-Западном фронте из военнопленных австрийской армии – чехов и словаков, добровольно пожелавших воевать на стороне России. Включал 2 дивизии и запасную бригаду (всего сначала ок. 30, затем 45 тыс. чел.). После большевистского переворота и Брестского мира был отправлен на Западный фронт через Сибирь, и к лету 1918 г. эшелоны корпуса растянулись от Пензы до Владивостока. Наиболее крупные группировки находились в районах Пензы, Сызрани и Самары (8 тыс.; пор. С. Чечек), Челябинска и Миасса (8,8 тыс.; полк. С.Н. Войцеховский), Новониколаевска и ст. Тайга (4,5 тыс.; кап. Р. Гайда), во Владивостоке (ок. 14 тыс.; ген. М.К. Дитерихс), а также Петропавловска, Кургана, Омска (кап. Сыровой). 25 мая 1918 г. при попытке большевиков разоружить корпус чехословацкие части выступили против них, создав благоприятные условия для ликвидации сов. власти в Поволжье и Сибири. Летом 1918 г. части корпуса вели бои с большевиками вместе с Сибирской и Народной армиями, но осенью, когда их лучший элемент был в основном выбит, стали отводиться в тыл и в дальнейшем не принимали участия в боях, сосредоточившись вдоль

Константиновского военного училища⁴, которые все время помогали корниловцам, Неженцев настоял, чтобы предварительно, до отъезда корниловцев, было отправлено в Екатеринодар все училище. И только когда юнкера со своим начальником училища генералом Калачевым⁵ были погружены в эшелоны, Неженцев облегченно вздохнул.

Корниловцы, приехав на свою прежнюю стоянку, немедленно восстановили связь с генералом Корниловым. Сообща с ним был выработан план дальнейших действий для встречи на Дону.

Уверенности у генерала Корнилова, что ему удастся благополучно выбраться из Быховской тюрьмы, конечно, не было, и он на прощанье послал корниловцам образ с препроводительным письмом на имя полковника Неженцева.

В этом письме генерал Корнилов писал: «С твердой уверенностью в непоколебимой верности полка заветам, на основе которых он зародился, я шлю ему образ, которым епископ благословил меня, как старшего из корниловцев. Шлю полку мое благословение на новые ратные подвиги за честь России и Ее Армии и мой сердечный горячий привет вам, всем офицерам и солдатам».

Наконец 25-го из Ставки был получен приказ о переброске корниловцев на Кавказский фронт. Неженцев выехал вперед, а его полк стал спешно готовиться к погрузке на станции Печановка. Уже головная часть полкового обоза подтягивалась к станции, когда оставшийся заместителем полковника Неженцева капитан Скоблин⁶ неожиданно получил от генерала Духонина⁷ новое приказание о приостановке погрузки. Это приказание капитан Скоб-

---

Транссибирской магистрали. Во время Великого Сибирского Ледяного похода сыграли крайне отрицательную роль, заняв своими эшелонами железнодорожные пути и мешая отходу войск Восточного фронта. Командир – ген.-майор В.Н. Шокоров. Нач. штаба – ген.-лейт. М.К. Дитерихс.

⁴ Киевское Константиновское военное училище. Принимало участие в боях с большевиками в Киеве 25 октября – 1 ноября 1917 г. (убито 2 офицера и 40 юнкеров, ранено 2 и 60). Прибыло в Екатеринодар 13 ноября 1917 г. в составе 25 офицеров и 131 юнкера во главе с генералом Калачевым. Большинство их (ок. 100 офицеров и юнкеров) погибло в Кубанских походах. Участвовало в боях на Кубани с 21 января 1918 г., в 1-м и 2-м Кубанских походах (со 2 марта 1918 г. полусотни 3-й сотни 1-го Кубанского стрелкового полка). К 3 августа 1918 г. в нем осталось 11 офицеров и 14 юнкеров. Прием по полному курсу был открыт в Симферополе 1 января 1919 г. (67-й выпуск), а 3 сентября 1919 г. – еще один (68-й выпуск). 6 августа 1919 г. переведено в Феодосию. 26 декабря 1919 г. – 28 апреля 1920 г. обороняло Перекопский перешеек, 30 июля – 28 августа 1920 г. участвовало в Кубанском десанте. В училище был 21 офицер. При выступлении на фронт 27 декабря 1919 г. в батальоне училища было 16 офицеров, 336 юнкеров и 27 солдат, на 30 июля 1920 г. к началу десанта на Кубань – 2 генерала, 5 штаб-и 20 обер-офицеров, 2 врача, 377 юнкеров и 44 солдата, на момент эвакуации – 4 генерала, 15 штаб-и 16 обер-офицеров, 2 чиновника, 342 юнкера и 3 солдата. С января 1919 г. училище потеряло убитыми 4 офицеров и 64 юнкера и ранеными – 9 и 142 соответственно. Награждено серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца, 187 юнкеров – Георгиевскими крестами и медалями. За 5 лет сделало 3 полных (двухлетних) и 2 ускоренных выпуска – всего 343 офицера. В Галлиполи 5 декабря 1920 г. были произведены в офицеры 114 юнкеров его 67-го выпуска (первого набора в белой армии), 4 июня 1922 г. – 109 чел. 68-го выпуска, в 1923-м – юнкера 69-го выпуска. После преобразования армии в РОВС до 30-х годов представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадррованную часть в составе 1-го армейского корпуса (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). Осенью 1925 г. насчитывало 148 чел., в том числе 133 офицера. Начальники: генерал-майор Н.Х. Калачев (1 января 1919 г. – 4 апреля 1920 г.), генерал-майор М.П. Чеглов, генерал-майор Е.К. Российский (сер. 1922-го – конец 1923-го), полк. В.И. Соколовский (1925—1931). Инспектор классов – полк. Попов (с 1 января 1919 г.). Командир батальона – полк. Сребницкий (с 1 января 1919 г.). Адъютант – кап. В.Г. Шпаковский. Нач. группы в Болгарии – генерал-майор П.Д. Черноглазов. В 1926 г. в Париже основано «Объединение Киевлян-Константиновцев» и «Общества взаимопомощи Киевлян-Константиновцев» во Франции и Югославии, существовавшие до 2-й мировой войны. Общество взаимопомощи Киевского Константиновского училища насчитывало к 1930 г. более 200 чел.

⁵ **Калачев Николай Христофорович**, р. в 1866 г. В службе с 1883-го, офицером с 1885-го. Генерал-майор, начальник Киевского военного училища. В Добровольческой армии и ВСЮР; с ноября 1917-го в белых частях на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; с 23 ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего, 1 января 1919 г. – 4 апреля 1920 г. начальник возрожденного Константиновского военного училища.

⁶ **Скоблин Николай Владимирович**, р. в 1894 г. Сын коллежского асессора. Штабс-капитан 126-го пехотного полка, затем 1-го ударного полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; помощник командира и с 1 ноября 1918 г. командир Корниловского полка, с 12 ноября 1918 г. полковник, с 26 марта 1920 г. генерал-майор, начальник Корниловской дивизии. Галлиполиец. В эмиграции во Франции, в 1930 г. завербован советской разведкой, участвовал в похищении начальника РОВС генерала Е.К. Миллера в 1937 г., после чего переправлен в Испанию, где, по неподтвержденным сведениям, умер в 1938 г.

⁷ **Духонин Николай Николаевич**, р. в 1876 г. Окончил Киевский кадетский корпус, Александровское военное училище

лин немедленно разослал с конными по всем батальонам, растянувшимся на походе, а сам еще оставался в штабе полка, в доме священника. Уже темнело. Вдруг все комнаты озарились ярким светом, и в это мгновение разнеслись громовые раскаты. Огромный огненный столб над станцией, небо колыхалось от ежеминутных взрывов. При станции были взорваны громадные склады со снарядами. От станции, от поездных составов и от лежащего вблизи поселка не осталось камня на камне. Охранная рота при складах, станционные служащие и местные жители были убиты. Опоздай капитан Скоблин вовремя остановить полк, не остался бы в живых и никто из корниловцев.

(1896), академию Генштаба (1902). Мировую войну встретил командиром 165-го пехотного полка. В 1917 г. – генерал-лейтенант, с сентября – начальник штаба Верховного главнокомандующего. Исполняя с 1 ноября после бегства Керенского обязанности Верховного главнокомандующего, отказался подчиняться большевикам и при занятии Ставки в Могилеве отрядом большевистского «главковерха» прапорщика Н.В. Крыленко был убит.

Б. Сырцов⁸

ЧУГУЕВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ 1916—1917 ГОДОВ⁹

С объявлением войны 1914 года многие кадровые офицеры военных училищ из патристических чувств пожелали быть отправленными в действующую армию. Это нанесло большой ущерб училищам, которые теряли таким образом лучших, опытных преподавателей, особенно нужных в это время, когда курс обучения в училищах был сведен с двухгодичного на четырехмесячный. Учитывая это, Ставка Верховного Главнокомандующего отдала в 1916 году распоряжение – пополнять штат военных училищ кадровыми офицерами из частей действующей армии, по выбору и под ответственностью начальников дивизий. В этом порядке я и был назначен курсовым офицером в Чугуевское военное училище¹⁰.

Я с грустью прощался со своим родным полком, в котором непрерывно, в течение двух лет, участвовал во всех его боях, но потом я полюбил и Чугуевское военное училище, как родную семью. Небольшой, тихий, заштатный малороссийский городок с одноэтажными домами, палисадниками, садами, весь в цветах, произвел на меня чарующее впечатление. Окраины города с рекой Донцом были также очень живописны. В глубине огромного плаца стояло длинное белое одноэтажное здание солидной аракчеевской постройки. Это и было здание Чугуевского военного училища, которое уже много десятков лет готовило для русской армии тысячи доблестных офицеров. Многие окончившие это училище удостоились высших военных наград, занимали высокие посты, и немало из них пало смертью храбрых на полях брани за Веру, Царя и Отечество.

Недалеко от здания училища находились небольшие одноэтажные домики, предназначенные для начальника училища, инспектора классов и старших офицеров училища. Тут же была канцелярия училища и офицерское собрание 10-го гусарского Ингерманландского полка.

Прибыв в училище, я представился начальнику училища, генералу Врасскому¹¹, и его помощнику, полковнику Павлову 1-му, находившемуся тут же, в кабинете генерала. Генерал Врасский принял меня любезно и расспрашивал о положении на фронте. Через некоторое время в кабинет вошли командир 1-го батальона полковник Магдебург¹², командир 2-го батальона полковник Добрянский и командир 2-й роты подполковник Павлов 2-й, в роту которого я тут же и был назначен. Здесь же я был представлен инспектору классов, академику генералу Зыбину¹³, известному топографу, учебники которого были приняты во всех военных училищах. Встретил я тут и своего воспитателя в Ярославском корпусе, тоже академика подполковника Бауэра, в должности помощника инспектора классов, и своего товарища по корпусу,

---

⁸ **Сырцов Борис Данилович.** Окончил Ярославский кадетский корпус, Александровское военное училище. Капитан 6-го пехотного полка, курсовой офицер Чугуевского военного училища. Участник боев в Чугуеве 15 декабря 1917-го. Взят в плен и увезен в Москву. В эмиграции во Франции, к 1969 г. сотрудник журнала «Военная быль». Полковник. Умер 26 мая 1978 г. в Париже.

⁹ Впервые опубликовано: Военная быль. № 90. Март 1968 г.

¹⁰ Чугуевское военное училище было основано в 1865 г. как пехотное юнкерское училище. В 1911 г. вместе с рядом других юнкерских училищ было преобразовано в военное училище.

¹¹ **Врасский Иероним Яковлевич** (он же Фенстер), р. в 1868 г. В службе с 1888-го, офицером с 1890 г. Генерал-майор, начальник Чугуевского военного училища. В Вооруженных силах Юга России; со 2 января 1919 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. – в резерве чинов при штабе Кавказской Добровольческой армии, с 1 апреля 1919 г. помощник начальника части военно-учебных заведений Военного управления.

¹² **Магдебург Григорий Трофимович**, р. в 1874 г. В службе с 1892-го, офицером с 1894 г. Полковник, командир 1-го батальона Чугуевского военного училища. Во ВСЮР и Русской армии командир роты Корниловского военного училища.

¹³ **Зыбин Иннокентий Андреевич**, р. в 1862 г. В службе с 1879-го, офицером с 1881 г. Генерал-майор, инспектор классов Чугуевского военного училища. При разгроме училища большевиками вывезен в Москву. 1918 г. в гетманской армии; 7 ноября 1918 г. при восстановлении училища назначен на прежнюю должность.

капитана Руммеля, командовавшего 7-й ротой. Немного позже в кабинет вошли: полковник Мордвинов, подполковник Лоссиевский, подполковник Савченко (все трое – академики), полковник Добровольский, капитан Рошупкин, командир 1-й роты, капитаны Наумченко, Юргенсон и Марков, адъютант училища поручик Дзыбенко, заведующий хозяйством подполковник Кравченко и старший врач, доктор медицины Савин. Оказалось, что к этому времени генералом было назначено совещание.

2-я рота, в которой я состоял курсовым офицером, была в военное время комфортабельно размещена в здании мужской гимназии и имела перед фасадом огромный плац, на котором производились строевые занятия. Для тактических занятий юнкера выходили за город, в поле. В этом отношении Чугуевское военное училище имело большое преимущество перед другими училищами, которые, находясь в больших городах, могли производить полевые занятия только в районе своих казарменных расположений. Старшим курсовым офицером во 2-й роте был капитан Соловьев, младшим – поручик Крюков. В помощь курсовым офицерам в каждой роте было четыре прапорщика из лучших юнкеров, окончивших это же училище. Строгая дисциплина, сознательное отношение юнкеров к своему долгу, выправка и отчетливое выполнение службы произвели на меня отрадное впечатление, и я с увлечением принялся за новое дело. Курсовой офицер не был в то время только преподавателем строя: на него возлагались и классные уроки тактики и фортификации, для чего ему необходимо было сдать соответствующие экзамены. Курсовой офицер вел также занятия по теории стрельбы, изучению уставов, пулеметного дела, инструментальной и глазомерной съемок и т. д. Все это, вместе со строевыми занятиями, налагало на курсового офицера большую и ответственную работу.

В училище принимались молодые люди с законченным средним образованием, и это давало возможность без особых затруднений проводить ускоренный курс. Так происходила подготовка будущих офицеров, пока революционные силы не стали разлагать русскую армию. В памятный, тяжелый для нашей родины день отречения Государя Императора 2-я рота была на полевых занятиях за городом. Стоял крепкий мороз, все было занесено снегом. Вдруг мы увидели бежавшего к нам писаря училищной канцелярии. Со слезами на глазах, не будучи в состоянии что-либо выговорить, он подал мне сообщение об отречении Государя. Сообщение это произвело на юнкеров потрясающее впечатление, занятия были прерваны, и мы вернулись в казармы.

В первое время революция не внесла заметных перемен в классные занятия и в строевое обучение юнкеров. Приказ № 1, отменивший отдавание чести, в училище не привился, и все оставалось по-прежнему. Устав же внутренней службы этим приказом был уничтожен. Штрафной журнал сохранился, но наказания налагало не начальство, а ротные дисциплинарные комитеты, составленные из юнкеров под председательством офицера. Эти дисциплинарные комитеты выносили постановления более строгие, чем прежде налагало начальство. Редкие училищные митинги не носили резко революционного характера, касаясь больше вопросов внутреннего распорядка. Покой училища нарушали только частые посещения делегатов Харьковского совета солдатских и рабочих депутатов, который всячески старался расшатать еще сохранявшуюся в училище дисциплину. Однажды в училище приехал для инспекции командующий войсками Московского военного округа Генерального штаба полковник Верховский. На училищном плацу по его приказанию состоялся митинг, на котором полковник Верховский говорил о необходимости «углублять революцию». По окончании речи он предложил задавать ему вопросы и высказать свои пожелания, на что генерал Врасский сказал: «Бесперывные посещения училища отрывают нас от дела, и мы хотели бы, чтобы нам дали возможность заниматься».

В июле 1917 года, когда на фронте организовывались ударные части, около 150 юнкеров изъявили желание быть отправленными на фронт. Училище экипировало этих юнкеров, и

на вокзале их проводы вылились в патриотическую манифестацию. Проводить отъезжающих собрались офицеры, юнкера училища и много городских обывателей.

К осени 1917 года разложение армии шло полным ходом. Особенно это было заметно в тылу, в запасных частях, в казармы которых свободно проникали темные личности, умело и успешно пропагандировавшие якобы бесцельность войны. Так в городе Бахмуте, Екатеринославской губернии, был распропагандирован запасный пехотный полк, который вышел из повиновения своему начальству, стал бесчинствовать в городе и, находясь под влиянием безответственных хулиганов, разгромил большой казенный винный завод. Солдаты выносили бутылки водки по 10 литров, так называемые «гуси», и тут же их распивали. В этом пьяном разгуле принимала участие большая часть полка. Вслед за солдатами к заводу потянулись и местные обыватели, которые также беспрепятственно уносили водку и лучшие вина. Весть о разгроме винного завода быстро облетела ближайшие окрестности, и со всех сторон в город потянулись повозки за бесплатной «драгоценной» жидкостью. Приходящие в Бахмут поезда были также переполнены желающими поживиться. Город представлял собой жуткую картину разгула. Для наведения порядка местное начальство отправляло в город учебные команды запасных частей, как наиболее надежный в то время элемент, но все эти меры не достигали цели. Присланные солдаты тотчас же спаивались, и порядок в городе не восстанавливался. Тогда было приказано Чугуевскому военному училищу прибыть в Бахмут и навести там порядок. В помощь училищу придавалась батарея и кавалерийский взвод. Командовать этой операцией был назначен георгиевский кавалер полковник Курако, которому было приказано ликвидировать беспорядки.

Первым поездом был отправлен в Бахмут 1-й батальон училища полковника Магдебурга, при котором находился и начальник училища генерал Врасский. На паровозе была помещена пулеметная команда. 2-й батальон был отправлен несколько позже. Приказом полковника Курако начальником гарнизона города Бахмута был назначен полковник Магдебург, я же был назначен комендантом города. По прибытии на место училище заняло наиболее важные пункты города, энергичными мерами навело порядок, и спокойствие в городе постепенно восстановилось. Был водворен порядок и в казармах запасного полка. Казалось бы, что на этом все должно было бы быть закончено, но военный министр отдал приказ разоружить запасный полк. Задача эта была достаточно сложная, так как в запасном полку насчитывалось 5 тысяч вооруженных солдат, в то время как юнкеров было всего тысяча человек. Комитет запасного полка, желая избежать разоружения полка, несколько раз приезжал в штаб полковника Курако с просьбой отменить это распоряжение, но приказ оставался категоричным: запасный полк должен сдать свое оружие.

Выполняя это распоряжение, полковник Курако приказал запасному полку выйти за город, на заранее указанное место, и там сложить оружие. Училищу же было приказано занять позицию совместно с батареей. В приказе полковника Курако было сказано, что если запасный полк не выйдет в полном порядке на указанное ему место в назначенное время, то по полку будет открыт огонь. На наших глазах запасный полк в полном порядке, при офицерах, вытянулся из казарм и занял предписанное ему место, но оружия не сложил. Это была тягостная, жуткая картина, когда братья по оружию могли броситься друг на друга. В конце концов генералу Врасскому удалось убедить комитет запасного полка подчиниться приказу. Полк сложил оружие и вернулся в казармы. Через две недели после происшедшего приказом военного министра оружие было полку возвращено. Училище вернулось в Чугуев.

Пrestиж училища поднялся на большую высоту, и с ним стали считаться и Харьковский совет рабочих и солдатских депутатов, и расположенные вблизи воинские части. В это же время состоялся приказ о моем переводе в Александровское военное училище, которое я в свое время окончил, но покинуть Чугуев мне не пришлось. Грянула Октябрьская революция, и по постановлению училищного совета было запрещено перемещать офицеров в какую-либо

другую воинскую часть, и мне, будучи уже в форме Александровского училища, пришлось закончить свою службу в Чугуевском военном училище.

Известие о геройском сопротивлении большевикам Александровского военного училища¹⁴ в Москве нарушило жизнь Чугуевского училища, и по этому поводу был созван митинг, на котором генерал Врасский, указав на угрожающее положение страны, предложил обсудить вопрос и вынести постановление о том, «какую позицию займет наше училище». Офицеры и юнкера категорически требовали немедленной отправки училища в Москву на помощь александровцам. Для выполнения этого постановления железнодорожное начальство распорядилось подать специальный поезд. Через несколько часов сборы были закончены, и училище отправилось на вокзал, где юнкера простояли всю ночь и на рассвете вернулись обратно в казармы, так как Харьковский совет отказал в подаче поезда.

Хотя расположенные вблизи Чугуева пехотные и артиллерийские части обещали училищу свою полную поддержку в случае нападения большевиков, но, не доверяя этим обещаниям, генерал Врасский отправил Генерального штаба капитана Шмидта к Донскому атаману генералу Каледину¹⁵ с докладом о положении училища и с просьбой указать, как поступать в дальнейшем и не следует ли училищу перейти на Дон. Взвесив все обстоятельства, генерал Каледин указал, что Чугуевское военное училище морально поддерживает весь Харьковский район и, как только оно двинется с места, коммунистическая волна захлестнет весь край.

И действительно, Харьковский совет рабочих и солдатских депутатов неустанно прогрессировал в своей подрывной работе, разрушая дисциплину в войсковых частях. Днем 15 декабря 1917 года на Чугуевский вокзал неожиданно прибыло несколько поездов с вооруженными коммунистическими отрядами и артиллерией, которые начали окружать город. Училище было поднято по тревоге, и роты вышли на окраины, заняв позицию для боя. Учтя, что одно училище не сможет занять все окрестности и удерживать их, в ближайшие воинские части было послано за поддержкой. После митингов в этих частях были получены резолюции о полном их невмешательстве.

Таким образом, училище было предоставлено своей судьбе. Наступила ночь, стоял суровый мороз, завязался неравный бой, в котором училище понесло большие потери убитыми и ранеными. Училищный комитет признал бесполезным продолжать сопротивление. Обе стороны пришли к соглашению о том, что училище сложит оружие при условии, что будет гарантирована неприкосновенность личности и что офицеры и юнкера смогут беспрепятственно разъехаться по домам. Но обещанная большевиками свобода личности продолжалась недолго: оставшиеся в городе офицеры были арестованы и под конвоем отправлены, часть – в Харьков, часть – в Москву. Генерал Зыбин, полковник Лоссиевский (ныне проживающий на юге Франции) и я были препровождены в Москву, претерпев в дороге большие мытарства.

Так закончило свое существование Чугуевское военное училище, завершив его на полтора месяца позже других военных училищ, находившихся в Великокороссии.

---

¹⁴ Речь идет о боях в Москве в октябре 1917 г., когда Александровское военное училище было основным оплотом антибольшевистских сил. Материалы об этом собраны во 2-м разделе предшествующего тома серии «Белое движение в России» – Сопротивление большевизму в России. М., 2001.

¹⁵ **Каледин Алексей Максимович**, р. в 1861 г. Окончил Воронежскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1882), академию Генштаба (1889). Генерал от кавалерии, до мая 1917 г. командующий 8-й армией. После смещения Временным правительством с должности избран 17 июня войсковым атаманом Донского казачьего войска. Покончил жизнь самоубийством 29 января 1918 г.

*П. Стефанович*¹⁶ **ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ БОЛЬШЕВИСТСКОГО МАССОВОГО ТЕРРОРА**

(Киев – январь 1918 года)¹⁷

Несмотря на то что большевистское восстание конца октября 1917 года в Киеве не удалось и власть перешла к Центральной Раде, красные не унывали! Киевский военно-революционный комитет, возглавляемый известным большевистским лидером Леонидом Пятаковым¹⁸, издал приказ всем воинским частям о выборах командного состава и комиссаров и приказал представить ему списки личного состава и оружия. В ответ на это украинская власть в лице атамана Петлюры издала, в свою очередь, приказ о неподчинении Пятакову. 17 ноября после разговора по прямому проводу между Сталиным и представителем Украинской демократической партии выяснилось, что Центральная Рада не соглашается на большевистское требование о передаче всей власти Советам.

Решение это подало повод к расколу между воинскими частями, расположенными в Киеве и его окрестностях.

Весь ноябрь и декабрь Киев «митинговал», и раскол все больше и больше углублялся. Начиная с 1 декабря украинцы, услышав о предполагаемом аресте Петлюры, стали разоружать большевистски настроенные части.

4 декабря Совнарком, за подписями Ленина и Троцкого, предъявил Центральной Раде 48-часовой ультиматум с целым рядом требований. В частности, запрещалось пропускать без разрешения «главковерха» Крыленко воинские части на Дон и Урал, требовалось содействие в борьбе с контрреволюционерами, приказывалось прекращение разоружений и отдача отобранного оружия и т. п.

Последовавший в тот же день отказ заставил часть Киевского совета рабочих и солдатских депутатов уехать в Харьков, откуда она 9 декабря «объявила войну» Центральной Раде. Несмотря на успехи красных, Совнарком все же еще считал целесообразным открытие переговоров, предлагая даже для этой цели собраться в Смоленске или Витебске. Но боевые действия настолько усилились, что об этом уже в ближайшие дни не могло быть и речи. Сформированный 2 января в Харькове народный секретариат Украинской рабоче-крестьянской республики назначил командующим Восточным фронтом полковника Муравьева¹⁹, в состав его входили две армии под командой Ремнева и Берзина, с приказанием наступать на Киев. Последова-

---

¹⁶ **Стефанович Платон Львович**, р. 15 декабря 1904 г. В эмиграции во Франции, состоял в полковом объединении л.-гв. Гренадерского полка, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Белья». Умер 10 декабря 1974 г. в Ницце. Во время описываемых событий он был еще подростком. Его отец – Лев Платонович Стефанович, р. 1872 в им. Пасконино Гдовского уезда. Из дворян, сын уездного предводителя дворянства. Окончил Николаевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Полковник, командир л.-гв. Конно-гренадерского полка. Расстрелян большевиками 26 января 1918 г. в Киеве.

¹⁷ Впервые опубликовано: Часовой. № 502. Апрель 1968 г. Эти воспоминания были впервые оглашены 11 февраля 1968 г. в Ницце на траурном заседании местного отдела Русского Обще-Воинского Союза, посвященном полувековому юбилею описываемых событий.

¹⁸ Речь идет о **Леониде Леонидовиче Пятакове** (р. 12 октября 1888 г.), брате Г.Л. Пятакова. Он был арестован 25 декабря 1917 г. и убит при невыясненных обстоятельствах.

¹⁹ Имеется в виду подполковник **Михаил Артемьевич Муравьев** (р. в 1880 г.), левый эсер, одним из первых перешедший на сторону большевиков. Он руководил 28—30 октября обороной Петрограда, а с 16 января 1918 г. возглавлял большевистские войска на Украине и, захватив 26 января Киев, истребил там несколько тысяч офицеров. После столкновения между большевиками и левыми эсерами в Москве он, будучи в то время командующим Восточным фронтом, отказался подчиняться большевистскому руководству и был убит 11 июля 1918 г. при аресте в Симбирске.

тельно были заняты, главным образом из-за предательства целого ряда частей гарнизона Староконстантинова, Ровно, Лозовой, Бахмача, Екатеринослава и Одессы. Кольцо вокруг Киева все более и более сужалось.

В это время в Киеве недовольство Радой все более и более возрастало... 12 января она объявила независимую Украину, но результат был обратный тому, который она ожидала. Нужно сказать, что большевики представлялись рядовому населению Киева не более опасными, нежели украинские самостийники.

В частности, офицерство, отнюдь не сочувствуя красным, не желало сражаться под желто-голубым украинским флагом из-за прогерманского направления Рады. Независимо от этого нельзя было забыть нанесенных обид всему некоренному населению Киева: по приказу Рады правом жительства пользовались лишь лица, проживавшие до 1 января 1915 года.

Все остальные, в частности офицеры, большинство которых прибыло в Киев после революции и распада фронта, обязаны были регистрироваться. В подтверждение выдавалась темно-красная карточка, так называемый «красный билет», послуживший несколько позже предлогом к притеснениям и расстрелам их носителей со стороны большевиков.

С 15-го по 26 января развивалось генеральное сражение за власть. Обнаруженный труп убитого Пятакова еще больше озлобил красных, и украинский комендант (Шинкарь) 16 января объявил Киев на осадном положении.

Умеренный элемент украинского правительства во главе с Винниченко²⁰, чувствуя, что власть доживает последние часы, подал в отставку. 17 января два полка переходят на сторону красных и начинают обстрел центра города. 18-го объявляется генеральная забастовка – население лишалось света, воды и продовольствия. Но уже 20-го чувствуется известная усталость, и городское правление уведомило население, что борьба окончена, предлагается прекращение забастовки и возобновляется отпуск хлеба и других продуктов «на обычных условиях». Но это было лишь отсрочкой. Большевики, получив подкрепление в виде бронепоезда, начали обстрел города со станции Дарница. Уличные бои, в особенности в районе Арсенала и Педагогического музея, где помещалась Центральная Рада, возобновились с новой силой. 24 января красные перешли Днепр, заняли окраину города Печерска, откуда открыли усиленный артиллерийский огонь по центру города. Держались лишь украинские фанатики и офицерский отряд, сформированный для борьбы с красными, но очень малочисленный по вине, как мы видели выше, украинской власти. 25 января началась самая сильная бомбардировка, принудившая украинские войска оставить город по направлению на Житомир – большевики шли по их пятам. В ночь на 26-е был зверски убит, оставленный всеми, в том числе, увы, и монахами, исколотый штыками, 70-летний старец, митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский).

26 января стрельба окончилась. Уход украинцев не вызвал особого сожаления оставшегося населения, но никто не мог предполагать, что настоящий кошмар только начинается. Жители города, не слыша больше артиллерийской стрельбы, выходили «за новостями» и встречали всюду страшные разрушения. Плающие и простреленные здания, неубранные трупы, но главное – встречающиеся зверского вида субъекты, часто пьяные, в лице новых хозяев – красноармейцев. Начались повальные обыски и грабеж... Несмотря на успокоительные воззвания, расклеенные с утра в городе, большевистские банды, главным образом под предлогом проверки документов, начали массовые расстрелы, которые производились самым зверским

---

²⁰ Имеется в виду **Владимир Кириллович Винниченко** (р. 26 июля 1880 г.), один из лидеров украинских националистов. Он был членом Украинской социал-демократической рабочей партии и в 1906—1914 г. жил за границей. В начале апреля 1917 г. руководил работой Украинского национального конгресса, на котором была сформирована Центральная Рада, и стал заместителем ее председателя. При власти гетмана П.П. Скоропадского был наряду с С.В. Петлюрой одним из вдохновителей его свержения. 14 ноября 1918 г. возглавил Директорию, которая после отречения гетмана 14 декабря стояла во главе воссозданной Украинской народной республики. 10 февраля 1919 г. ушел в отставку и уехал за границу. В мае 1920 г. большевики предлагали ему пост зампреда СНК и наркома иностранных дел УССР. Умер в 1951 г. во Франции.

образом. Раздетые жертвы сплошь да рядом расстреливались в затылок, прокалывались штыками, не говоря о других мучениях и издевательствах.

Большинство расстрелов производилось на площади перед дворцом, где помещался штаб Муравьева, и в расположенном за ней Мариинском парке. Проверку производил даже «сам» Ремнев, который, если отдавал документ, отправлял тем самым под арест во дворец. Если же он засовывал бумаги в карман – арестованных отправляли в «штаб Духонина», т. е. расстреливали.

Тела многих убитых, не имевших в Киеве ни родных, ни близких, оставались лежать там по нескольку дней. Со слов свидетелей, картина представлялась ужасной. Разбросанные на площади и по дорожкам парка раздетые тела, между которыми бродили голодные собаки; всюду кровь, пропитавшая, конечно, и снег, многие лежали с всунутым в рот «красным билетом», у некоторых пальцы были сложены для крестного знамения. Но расстрелы происходили и в других местах: на валах Киевской крепости, на откосах Царского Сада, в лесу под Дарницею и даже в театре. Тела находили не только там, в анатомическом театре и покойницких больниц, но даже в подвалах многих домов. Расстреливали не только офицеров, но и «буржуев», и даже студентов. Интересно отметить, что арестованных во дворце (между ними и знаменитый В.В. Шульгин²¹) охранял караул от Георгиевского полка до тех пор, пока их не перевели в городскую тюрьму. Было также много арестованных в доме Городецкого на Банковой улице и пансионе Полония. Но не успела еще земля впитать пролитую кровь, как новая власть организовала 3 февраля, то есть через неделю, с большой помпой гражданские похороны «жертв революции». Хоронили 300 человек, в большинстве неопознанных невинных жертв...

29 января из Харькова прибыл генеральный секретарь Украинской рабоче-крестьянской республики, который наложил на город контрибуцию в 10 миллионов рублей и наметил целый ряд «реформ». Но недолго пришлось большевикам оставаться в Киеве – Брест-Литовский мир позволил украинцам обратиться за помощью к немцам, которые совместно с украинскими частями начали «наступление» на восток.

Если бы не отступавшие в порядке чешские части, не позволявшие немцам быстро продвигаться, киевские большевики могли быть взяты врасплох. Но и так население могло «любоваться» вереницей извозчиков, нагруженных награбленным добром, с важно восседавшими большевиками, разодетыми в найденные в интендантских складах пестрые гусарские мундиры.

Но до последней минуты обыски и грабежи продолжались, причем особенно отличались так называемые «червонные казаки», а народный секретарь по внутренним делам тов. Евгения Бош, когда противник находился в 30 верстах от города, возвещала, что Киеву не угрожает никакой опасности, так как красные получили крупные подкрепления...

16 февраля власть перешла в руки городского самоуправления; и в тот же день на вокзале появились первые немецкие части, а со стороны Лукьяновки передовой отряд «гайдамаков».

Начался новый период в жизни Киева, который продолжался всего лишь одиннадцать месяцев.

По сведениям Украинского Красного Креста (1918 год), общее число жертв исчисляется в 5 тысяч человек, из коих большинство офицеров, – «имена же их Ты Господи веши».

---

²¹ Шульгин Василий Витальевич, р. 1 января 1878 г. в Киеве. Из дворян, сын профессора Киевского университета. 2-я Киевская гимназия, Киевский университет (1900). Журналист, редактор газеты «Киевлянин». Член Государственной думы. В годы Гражданской войны руководитель подпольной разведывательной организации «Азбука», член Особого Совещания при главнокомандующем ВСЮР до 31 мая 1919 г. (с января 1919 г. председатель комиссии по национальным делам), редактор газет «Россия» и «Великая Россия». В эмиграции с 1921 г., член Русского Совета, жил в Германии, Болгарии, Югославии, в 1925—1926 гг. нелегально посетил Россию. В 1944 г. захвачен советскими войсками и до 1956 г. находился в заключении. Умер в 1976 г. во Владимире.

*Н. Могиланский*²² **ТРАГЕДИЯ УКРАИНЫ**

(из пережитого в Киеве в 1918 году)²³

14 (27) января 1918 года я покинул, сдавленный тисками большевизма, Петроград, убежденный в том, что кризис, переживаемый Россией, затяжной, что из оппозиции интеллигенции и шедшей, естественно, на убыль интеллигентской стачки ровно ничего не выйдет. Убийство Шингарева и Кокошкина, разгон Учредительного собрания, стрельба по мирной манифестации интеллигенции 5 (18) января явно говорили о том, что узурпаторы власти в своем стремлении удержать эту власть в своих руках не остановятся ни перед чем, что все преступления старого режима детская сказка в сравнении с цинизмом новой тирании.

После почти трехсуточной езды в поезде, где в нашем купе, вместо 4 человек, помещалось от 12 до 14 человек, где выход был возможен только через окно, где грязь была невероятная, вследствие скученности и необходимости тут же питаться, при невозможности вымыть руки, 17 (30) января, на склоне туманного, зимнего, короткого дня, мы подъезжали к Киеву, причем поезд поминутно останавливался, так как станция Киев I не была свободна. При каждой остановке отчетливо слышны были звуки редкой канонады. Угроза большевиков украинским сепаратистам, печатно высказанная в «Правде»: «...через несколько дней мы возьмем Киев», начала фактически приводиться в исполнение.

Это были первые выстрелы по Киеву армии большевиков, под командой Ремнева. Начался первый акт трагедии Киева за многострадальный 1918 год, какого не было в истории его со времени взятия города Батыем в XIII веке.

И все же теплилась какая-то надежда. Думалось: зажиточный, замкнутый, рационалистически настроенный крестьянин-собственник, украинец или малоросс, сильно разнящийся по своей психике от своего брата «русского», устоит непременно пред соблазном «социализации» земли, объявленной не только Лениным, но и не желавшей отстать в области социологического творчества Центральной Радой, возглавлявшейся профессором М.С. Грушевским²⁴. Увы! Одинаковые причины повели к одинаковым последствиям и в коренной России, и на Украине. (Происходя и по отцу, и по матери из южнорусских, малорусских или украинских фамилий, я считаю себя русским по культуре, отечеством своим считаю Россию, а родиной Украину, или Малороссию. В понятие «Украина» не вкладываю сепаратистских вождений, но и не связываю его с «изменой» как необходимым, по мнению многих, атрибутом украинства. – Н. М.).

---

²² **Н.М. Могиланский** был сотрудником Музея Императора Александра III. В эмиграции жил в Париже.

²³ Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923.

²⁴ Речь идет об одном из лидеров украинских националистов – **Михаиле Сергеевиче Грушевском** (р. 17 сентября 1866 г.). Он окончил Тифлисскую гимназию и Киевский университет (1900), с 1894 г. возглавлял кафедру украинской истории во Львовском университете (Австро-Венгрия). При образовании 4 марта 1917 г. Центральной Рады избран ее председателем и стал главным инициатором провозглашения 9 января 1918 г. независимости Украины. После прихода к власти гетмана П.П. Скоропадского от политики отошел и с марта 1919 г. жил за границей. В 1924 г. приехал в СССР, где встретил благожелательное отношение советских властей и возглавил историческую секцию Украинской академии наук (с 1929 г. – академик АН СССР). Умер 25 ноября 1935 г. в Кисловодске.

* * *

Последовали девять суток борьбы за Киев между большевиками и украинцами, девять суток почти непрерывного боя, то врукопашную, как на Щекавице, то в ружейно-пулеметную на улицах и площадях Киева, с броневидами, осыпавшими пулями особенно нижние этажи домов, причем треск ружей и пулеметов заглушался артиллерийской канонадой с уханьем далеких пушек и разрывами 3- и 6-дюймовых снарядов и шрапнелей, рвавших над небольшим, по занимаемой территории, городом, перенаселенным сверх всякой меры благодаря войне и последовавшей за нею революции (жил я в это время на Софиевской площади, у самой колокольни Софиевского собора – пункт очень удобный для наблюдения. Из дня в день я вел запись всего виденного и слышанного. – Н. М.).

Систематический обстрел Киева начался с 18 (31) января вечером. С 4-го этажа дома № 22 по Б. Владимирской, из квартиры В.А. Жолткевича, в 1919 году расстрелянного большевиками, наблюдал я с друзьями трагически-эффектную картину обстрела Печерска из расположенной за Днестром Дарницы. Красноватая вспышка далекого орудия (верст около 6 по звуку) – и через некоторое время яркая звезда разрыва снаряда, на расстоянии двух верст по звуку: жуткая, незабываемая картина!

Трудно было дать себе отчет в том, кто одолевает в уличных боях. Наступление шло на Печерск и на центр с Подола одновременно, бои шли с переменным успехом, ибо в конце четвертого дня получилось впечатление, будто украинцы одолевают. Говоря вообще, самоуверенности у руководителей защиты Киева было очень много, но действия их отличались бессистемностью, разговоры – бахвальством, и в обывателе они внушали мало уверенности в завтрашнем дне. Числа 21-го или 22 января старого стиля вошел в Киев Петлюра с тощими рядами украинских войск. На Софиевской площади я слышал произнесенную им перед войсками речь на тему об украинской непобедимости. Потом оказалось, что он просто бежал от большевиков из-под Гребенки. Канонада большевистской артиллерии не смолкала, и это обстоятельство мало давало веры в оптимизм Петлюры.

До какой степени бессмысленны были военные действия украинцев, можно показать на действиях украинской артиллерии, которые мне пришлось весьма близко наблюдать. Часов около 3 дня 22 января (4 февраля н. ст.) на Софиевскую площадь привезена была батарея артиллерии, и началась пристрельная стрельба по позициям большевиков. Во всем фасаде нашего дома, обращенном к Софиевской площади, вылетели почти все окна, ибо ближайшее орудие стояло шагах в 25—30 от подъезда дома № 22. Жутко было ждать ответного огня «неприятельской» артиллерии, ибо две колокольни Михайловского и Софиевского соборов, а также пожарная каланча Старо-Киевского участка не могли не определить с полной точностью положения батареи украинской артиллерии. Для удобства ночного обстрела предупредительно залита была электрическим светом вся Софиевская площадь: стоящие на горе колокольни, освещенные электричеством, должны были маячить на десятки верст Заднепровья.

Кто и как командовал украинской артиллерией, показывает следующий любопытный эпизод. В подъезд дома, где я жил, входит артиллерийский офицер. «Это Софиевский собор?» – спрашивает он у швейцара. «Да, это Софиевский собор», – отвечает швейцар. «Ребята! Здесь!» – обрадовался офицер и отправился размещать пушки на позициях. Вечером, после описанной пристрелки, он опять потихоньку беседовал со швейцаром: «Где тут дорога на Святошин?» – «Так ведь там, барин, большевики в Святошине», – отвечал швейцар. «А мне не все равно, где пропадать?» – сказал офицер, безнадежно махнув рукой... На другой день, еще до рассвета, солдаты-артиллеристы разыскивали офицера Х. Так его нигде и не нашли. Был ли это офицер-большевик или бедняге действительно больше улыбалось погибнуть от большевиков?! На другой день с утра большевистская артиллерия засыпала снарядами Софиевскую

площадь, обстреляв ее правильным веером. В районе Софиевского собора я насчитал 13 снарядов, попавших в колокольню, главный храм и другие постройки в ограде собора; кроме того, мы нашли еще четыре неразорвавшихся снаряда в той же ограде собора.

Испуганное население нашего района бросилось в подвалы, и только немногие, сохраняя полное самообладание, не тронулись с мест. Количество снарядов, выпускавшихся по городу, было очень значительно. В один из дней я записал следующую статистику: начало бомбардировки – 7 ч. утра, конец или, вернее, значительное ее ослабление – 1 ч. ночи – итого 17 часов непрерывной бомбардировки. Число снарядов от 6—10 в минуту. Если даже *minimum* взять за среднюю цифру, то получится в час 360 снарядов, а в 17 часов около 7 тысяч снарядов. В действительности их выпускалось, может быть, и больше.

Население страдало и от недостатка пищи, которую приходилось добывать с опасностью для жизни, и от недостатка света и воды. Кажется, никогда не было сделано попытки подсчитать количество жертв бомбардировки Киева, но они насчитывались сотнями. По ночам, с ослаблением бомбардировки, начинались другие страхи. Безобразничали солдаты – защитники Киева. У жены нашего швейцара отняли хлеб и сало. К нам по ночам систематически ломились в квартиру солдаты с угрозами. Там, где солдат впускали, – пропадали вещи, не говоря уже о превращении квартир в трудноописуемое, грязное, хаотическое состояние. Я видел, что те же солдаты ночью разграбили по соседству небольшую лавочку, взломав замки, и принесли с собой табак, шоколад, чай и сахар, и все это в количестве, превышавшем потребности данного момента. Ни энтузиазма, ни понимания цели борьбы – одно бесшабашное озорство. Никаких разумных надежд на успехи сопротивления в этих условиях быть не могло. Всю ночь на 26 января продолжалась усиленная канонада. Еще утром военный министр Украинской Республики клялся, что положение Киева устойчиво и опасаться нечего, а между 11 часами утра и 1 часом дня вся Центральная Рада, с Грушевским во главе, вместе с правительством Голубовича бежали на автомобилях в Житомир, оставив Киев и его обывателей на произвол судьбы. Около часу дня 26 января канонада стихла совершенно. О взятии города большевиками нас оповестили два солдата из красной армии Ремнева, явившиеся для осмотра квартир и поверхностного обыска. Навсегда в памяти запечатлелись эти два разных лица. Один молодой, юноша лет 18—20, с розовыми щеками и тонким, красивым профилем, весь обвешанный оружием, убеждал нас: «Не бойтесь – теперь все уже будет хорошо». По лицу его я видел, что он искренне и глубоко верит своим словам: в его наивной, детской душе не было места злобе. Совсем другое впечатление оставлял его товарищ – рабочий Путиловского завода в Петрограде, лет 40, уроженец Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Этот, накрест обвешанный пулеметными лентами, весь дышал злобой и мщением. Из рта его, разившего алкоголем, вырывались непрерывно угрозы: «О! Я их всех найду, я их знаю в лицо – офицеров-контрреволюционеров». При этом он выставлял вперед дуло револьвера, целясь в воображаемую жертву. «Поработаем на пользу родины, а потом домой – пахать землю!» Увы! Это не было, к сожалению, простой формальной угрозой, как мне тогда казалось, но об этом будет сказано дальше.

Пока украинские сепаратисты разговаривают с немецкими генералами в Брест-Литовске, опережая Ленина и Троцкого в измене родине и союзникам, мы можем оглянуться на прошлое и в нем поискать корни тех трагических событий, которые разыгрались в Киеве в январе 1918 года и повлекли за собой ряд новых, исторических событий.

* * *

Киев оставлен был на произвол судьбы бежавшими украинскими войсками и властями. Ворвавшиеся в город 26 января большевистские войска, тогда еще скорее похожие на банды, вскоре заставили кошмаром своей «деятельности» забыть кошмар и ужас девятидневной бом-

бардировки. Зеленые, изможденные голодовкой, бессонницей и пережитыми волнениями, лица обывателей исказились ужасом безумия и тупой, усталой безнадежности.

Началась в самом прямом смысле этого слова отвратительная бойня, избиение вне всякого разбора, суда или следствия оставшегося в городе русского офицерства, не пожелавшего участвовать в борьбе против большевиков на стороне украинцев. Из гостиниц и частных квартир потащили несчастных офицеров буквально на убой в «штаб Духонина» – ироническое название Мариинского парка – излюбленное место казни, где погибли сотни офицеров русской армии. Казнили где попало: на площадке перед дворцом, по дороге на Александровском спуске, а то и просто где и как попало. Так, мой двоюродный брат, полковник А.М. Речицкий, был убит на Бибиковском бульваре выстрелом в затылок при сопротивлении, оказанном им четырем красноармейцам, хотевшим сорвать с него погоны. Герой Путиловской сопки, трагедии под Сольдау, Прасныша, много раз тяжело раненный и контуженный, – он даже пред лицом верной смерти не хотел, несмотря на все убеждения, снять с себя воинскую форму: так трагически пресеклась 37-летняя молодая жизнь, полная героического исполнения долга.

Кроме офицеров, казнили всякого, кто наивно показывал красный билетик – удостоверение принадлежности к украинскому гражданству. Казнили куплетиста Сокольского, за его злые куплеты против большевиков; казнили первого встречного на улице, чтобы снять с него новые ботинки, приглянувшиеся красноармейцу. Начались повальные грабежи в домах «буржуев», обыски и вымогательства, с избиением недостаточно уступчивых и покорных судьбе. Так подвергся избиению известный городской деятель В. Демченко. Кто и когда еще расскажет о всей циничной пошлости этой разнузданной вакханалии произвола, насилия, глумления и издевательства над личностью мирного обывателя?! «Пойдем с нами щи хлебать, буржуйка! – говорит солдат-красноармеец почтенной даме в присутствии всех членов семьи, расставленных у стенки с приказанием не шевелиться во время обыска. – У! Тебе бы все шампанское лакать!..» – продолжает он, угрожая револьвером, приставленным к самому лицу несчастной жертвы надругательства.

Из обывательских квартир тащили все, что попало, сначала наиболее ценное: деньги, золото и серебро, всякого рода ценности. Богатые заведомо дома, конечно, были ограблены в первую очередь. Я зашел к старому другу, профессору К. Человек спокойный, уравновешенный, сидит в кресле совершенно подавленный, молчит и, наконец, с трудом вытягивает из себя такие слова: «Я на все смотрю равнодушно и спокойно... Кажется, если придут и скажут, что перебили всех моих детей! – я не двинусь с места». К К. заходит почтенный земский деятель, бывший полковник гвардии С. Я никогда в жизни не забуду этой безнадежности на окаменевшем лице, в глазах, из которых почти безумие глядит из опустошенного сознания.

Владелец особняка Б., ограбленный большевиками, отсидывается в «бесте» в иностранном консульстве; его жена, больная сердечной болезнью женщина, измучена была вечными обысками и постоянной боязнью за судьбу мужа. Преследованию подвергались одинаково и русские, и евреи, и поляки, и украинцы. Среди комиссаров и других агентов большевистской «власти» доминирующая роль принадлежит великороссам, хотя были и украинские большевики, как, например, сын писателя Коцюбинский; евреи при этом не играли ни выдающейся роли, ни численно не превышали других национальностей. Справедливость требует категорически опровергнуть распространенную легенду, будто весь большевизм питается главным образом еврейскими силами. Происходит это от общей аберрации, а также от слишком обывательского стремления найти виновника обрушившихся грандиозных и невыносимых бедствий.

В городах провинциальных, маленьких, с незначительным численно населением, большевизм переживался весьма различно, в зависимости от личного характера стоявших во главе временной власти большевистских диктаторов, ибо трудно иначе назвать тех местных царьков, которые, в буквальном смысле этого слова, являлись хозяевами жизни и смерти, не говоря уже об имуществе обывателей. Так, например, г. Чернигов в этот первый приход большевиков

отделался чуть ли не 50 тысячами рублей контрибуции, которых хватило для того, чтобы верховный комиссар мог день и ночь пить горькую, а наряду с этим г. Глухов пережил трудно поддающиеся описанию ужасы. В Глухове полновластным его владыкой был матрос Балтийского флота по фамилии Цыганок. Неудовлетворенный количеством вырезанных помещиков, он велел перебить и перерезать даже детей, воспитанников местной гимназии, как будущих «буржуев». Потом Цыганок случайно погиб, заряжая бомбу, которая взорвалась у него на коленах, причем, умирая, он завещал похоронить себя в склепе местной помещицкой фамилии и с подобающим торжеством, для чего красноармейцы выгнали весь город для проводов погибшего диктатора. Кровавый кошмар Глухова еще ждет своего историка.

Киев стали грабить систематически. Наложена была пятимиллионная контрибуция, моментально, до срока уплаченная тем самым обывателем, который ни одной копейки не хотел дать на защиту города от большевиков. Началась полная дезорганизация кредитных учреждений, куда назначены были безграмотные комиссары.

По городу в автомобилях и на парных роскошных извозчиках с прекрасными фаэтонами и ландо разъезжали матросы и красноармейцы, часто в нетрезвом виде; они сорили деньгами в кафе, ресторанах и игорных домах, окруженные атмосферой кутежа и всяческого дебоша.

Началось быстрое повышение цен на жизненные продукты, ибо крестьяне перестали вывозить что-либо на городской базар, вследствие риска быть ограбленными по дороге первым встречным, кому это было не лень.

Вскоре, однако, появились смутные слухи о том, что украинцы стоворились с немцами и в Киев идут немецкие войска. Слухи эти находили себе подтверждение в поведении большевиков, которые, не чувствуя под ногами почвы, вели себя как калифы на час: грабили, пировали, разоряли и веселились, хоть день, да мой!

Положение обывателя ухудшалось с каждым днем. Сорганизовались шайки грабителей, которые по ночам грабили обывателей, нападая с оружием на дома и их обитателей. Несчастный обыватель, обезоруженный большевиками, лишен был самых элементарных средств самообороны.

Только тогда, когда дня за два, за три до прихода немцев большевики, нагрузив себя всяким добром, бежали из города, в свою очередь, началась организация самообороны. Картина бегства большевиков была весьма оригинальна: казалось, полгорода обывателей уезжают или переезжают на новые квартиры. Извозчики и подводы, груженные всяким домашним скарбом, подушками, самоварами, перинами, стульями.... и все это мчалось второпях, под охраной одного-двух солдат красной армии, вооруженных винтовками.

Ни одного случая сопротивления. У всех, казалось, была одна мысль: бери все – только убирайся поскорее с глаз!

Начало появляться оружие, которым снабжали обывателя. Кто, где и почему его раздавал, мне узнать так и не удалось. Я лично видел только гимназистов, бегавших таинственно на Печерск и тащивших оттуда новые винтовки, патроны, всякого рода военное снаряжение. Матери знакомых семей были в отчаянии, что мальчики 12—15-летнего возраста превратили свои комнаты не то в музеи, не то в арсеналы; зато восхищение молодежи не знало пределов – каждый чувствовал себя воином, готовым выдержать любую атаку и отстоять свое дело и своих близких. Очевидно, растаскивали какие-то цейхгаузы, оставленные без охраны и без присмотра. Грабежи участились в невероятной пропорции. В борьбе с вооруженными налетами отличалась энергией грузинская вольная дружина, которая по первому же вызову по телефону выезжала на помощь с автомобилем, наполненным вооруженными людьми. Грузинам на помощь явились добровольцы из киевской интеллигенции, и обыватель, замученный и затравленный, вздохнул немного свободнее. Все это происходило около половины февраля 1918 года – 11—17 февраля старого стиля (24 февраля – 2 марта нового стиля). Трудно поддается описанию горькое существование обывателя Киева в это совершенно кошмарное время. В одну

из последних, перед приходом в Киев немцев, ночей зарегистрировано было 176 нападений на квартиры обывателей. Трудно давалась организация защиты. Избраны были домовые комитеты, которые, раздобыв оружие, занялись организацией самообороны. И вот люди, в жизни своей не носившие ружья, иногда почтенные, убеленные сединами киевляне стали чистить и чинить ружья и обсуждать стратегические методы защиты домов и усадеб от нападения разбойников. Кое-где начали появляться уцелевшие офицеры, взявшие, естественно, на себя организацию защиты и команду над домовыми военными дружинами. Все это было бы смешно, если бы не было в существе весьма трагично. Дружиной дома № 22 командовал у нас храбрый и энергичный кадровый офицер, защитник Порт-Артура и заслуженный герой великой войны, П.Г. Сахновский²⁵, летом 1919 года тоже расстрелянный в Киеве большевиками. Наш дом стал быстро центром защиты ряда объединенных домов нашего участка, появился полевой телефон, объединявший шесть окрестных дружин, обязанных являться по первому вызову в угрожаемое место.

Защита давала реальные результаты. Припоминаю одно нападение, сделанное по всем правилам военного искусства. С наблюдательного пункта дали знать, что из-за памятника Богдану Хмельницкому на Софиевской площади идет наступление. Подбежав к окну, я увидел, что из-за фонтана на площади ползком движутся цепью вооруженные люди по направлению к нашему подъезду. Началась перестрелка и атака нашего дома. Дверь парадного подъезда, забаррикадированная на ночь дровами, устояла перед напором врага; суматоха в доме была неопишуемая, к счастью для нас, вызванная грузинская дружина прибыла очень быстро, через 10—15 минут сражение было кончено. У нас даже обошлось без потерь; говорили, что нападавшие, которых число определялось в 30 человек, унесли трех раненых. Но это лишь слухи... хотя я видел лично падающих людей.

Много мыслей пронеслось в голове моей в бессонные ночи, когда, стоя у забора, отделившего наш двор от сквера вокруг Софиевского собора, с задачей – стрелять по всякому, кто будет лезть через забор, я отстаивал двухчасовое дежурство в холодные звездные февральские ночи. Часто я задавал себе вопросы: что я буду делать, если действительно кто-нибудь полезет через забор? Ведь допустимо, что это будет человек, который будет спасаться от преследования, а не нападающий враг. К счастью для меня, вопрос этот не был поставлен, а остался лишь в теории... Тяжелые воспоминания! От трагизма создавшегося положения до комизма некоторых житейских переживаний и сцен было очень небольшое расстояние, и тяжкие думы, и настроения разрешались часто иронизированием и насмешкой над самим собой. Это все же скрашивало горькие минуты нервных напряжений. Часто, при свете огарка, где-нибудь в подъезде или подвале пили чай и играли в дурачка. Плакали и смеялись, смеялись и плакали поочередно: кошмарное было время даже в воспоминании!

* * *

Придя в Киев, немцы прежде всего вычистили невероятно загаженный при большевиках вокзал. Вычистили, убрали, декорировали и пригласили вечером на танцы тех торговки, что по принуждению помогали в уборке вокзала. За украинскими войсками, вошедшими под предводительством нового военного министра Центральной Рады Жуковского²⁶, численно возросшими, благодаря привезенным из германского плена, с иголки одетым в синие жупаны, новые сапоги и высокие серые папахи, из поддельного барашка, с огромными кокардами украинских цветов, вошли на другой день немцы под командой Линзингена. Продефилировав по

²⁵ Имеется в виду полковник **Павел Григорьевич Сахновский** (р. в 1873 г., в службе с 1892-го, офицером с 1895 г.).

²⁶ Полковник **Александр Жуковский** был военным министром Украинской народной республики с 30 января по 29 апреля 1918 г.

городу с музыкой, немцы устроили парад на Софиевской площади и начали устраиваться с обычной немецкой аккуратной педантичностью, порядливостью и неторопливой систематичностью.

В шлемах, при строгой немецкой выправке, размеренным походным шагом враскачку, двигалась зелено-серая масса пехоты в виде не то какого-то чудовища Tarasc'a, как описывал его А. Доде, не то липкой страшной массы гусениц. Тяжкое чувство испытывал я, глядя на низкорослый ландвер, солдата – уже не того исключительного вида schneidiger Militar, который поражал когда-то своими разводами и парадами на Unter den Linden или у гауптвахты возле Brandenburger Tor. Землистые, усталые лица, обношенное, серое, стального цвета платье, много ленточек Железного креста на груди солдат и офицеров – все это указывало на то, что это уже не первой очереди кадровые войска – гордость Вильгельма, что это уже также побывавшие в переделках войска, счастливые теперь своим отдыхом на Украине от ужасов продолжавшейся на Западном фронте бойни. Они явились сюда (на Украину) друзьями, а не врагами: здесь можно будет и отдохнуть, и подкормиться. Лица сосредоточенные, дисциплина образцовая, спокойная приветливость и сознание собственного достоинства.

Как же встретил немцев киевский обыватель? Помню, как очень неодобрительно смотрела с балкона на идущих в стройной колонне немцев наша кухарка Поля (я жил у моего друга присяжного поверенного Евгения Ивановича Фиалковского, в доме № 22 по Владимирской улице, т. е. на Софиевской площади. – Н. М.), героически бегавшая под пулями и шрапнелью ежедневно во все время обстрела Киева. Она сказала с чувством упрека, указывая на рослых, здоровенных, усатых украинцев и низкорослых, невзрачных немцев: «Ось що буває за дурною головою...», тяжело при этом вздохнув. Зажиточный обыватель, так называемый «буржуй», немцев встречал хотя и радостно, но без всякой экспансивности; радость избавления была хотя и искренняя, но без энтузиазма: некоторые дамы совали застенчиво букеты цветов немецким офицерам, но ни подъема, ни восторга мне видеть не приходилось – слишком все устали, да и будущее рисовалось в формах если и не столь ужасных, как только что пережитые, кошмарные дни большевизма, то все же и много неизвестного таило оно в себе. Если найдется кто-нибудь, кто бросит слово осуждения по поводу той радости, которая светилась на отдельных лицах киевских обывательниц больше, чем обывателей, то право на это осуждение принадлежит лишь тем, кто на себе самом испытал прелести соприкосновения с большевиками и все же не пал духом до желания найти во враге, шедшем на помощь, поддержку против врага, угрожавшего жизни и имуществу обывателя ежеминутно и непрестанно. Нет, по совести, не могу найти слов осуждения органическому, властному зову жизни перед лицом небытия, палача-мучителя с занесенным ножом, с кривой усмешкой циничного, наглого бесстыдства. Не дай Бог пережить эти чувства тем, кто их не пережил, а те, кто их пережил, не забудут никогда!

С появлением немцев, как по мановению волшебного жезла, без всяких угроз или угрожающих объявлений, исчезли всякие грабежи и насилия. Обыватель вздохнул свободно. Даже поздней ночью стало совершенно безопасно гулять по улицам. Открылись театры, синема, рестораны, жизнь заиграла быстрым темпом свою вечную суетливую музыку.

Украинцы-патриоты позволили себе роскошь некоторых диких эксцессов, причем, сколько мне было известно, пострадал один студент-еврей, убитый на Подоле при совершенно неясных обстоятельствах. Во всяком случае, не было тех ужасных картин убийств и казней, какими отличался период большевистского владычества, когда, выходя гулять на Владимирскую горку, я каждый день натывался на новые трупы, на разбросанные по дорожкам горки свежие человеческие мозги, свежие лужи крови у стен Михайловского монастыря и на спуске между монастырем и водопроводной башней, по дорожкам, покрывающим горку сквера.

Немцы, изголодавшиеся дома, висели толпами над витринами магазинов с съестными припасами, где выставлены были жареные поросята, гуси, утки, куры, сало, масло, сахар и разные сладости и где все это можно было приобрести без карточек и по сравнительно тогда

еще весьма дешевым ценам. На базарах по утрам немцы особенно охотно покупали сало. Они с жадностью жевали огромные куски вкусного малороссийского сала: велика была, очевидно, потребность организма в жирах, от недостатка которых давно уже страдала вся Германия.

Деятельность немцев, особенно в первый период, проявилась в прокладывании по всему городу телефонного сообщения для своих военно-полевых надобностей.

С утра до ночи лазали они с кошками на ногах по телеграфным столбам, все опутывая своими сетями – ни дать ни взять пауки ткали свои тенета для ловли жирных украинских мух.

Порядок в городе сохранялся образцовый, немецкая каска внушала страх перед той силой, которая, чувствовалось, стояла за ней...

Что же делали оставшиеся у власти украинцы – социалисты, чем проявили они свое творчество в момент, когда руки у них были развязаны, под охраной немецких штыков, быстро угнавших свирепых большевиков за пределы украинской территории? Небольшие отряды немцев проникли к концу марта даже в Крым и создали там правительство из местных русских элементов под председательством генерала Сулькевича²⁷. Немцы нигде не встретили никаких сопротивлений. Для мирной оккупации огромнейшей территории им понадобилось всего только около 350—400 тысяч человек.

Как, наконец, сложились отношения между немцами и украинцами? На эти вопросы необходимо дать краткий ответ, чтобы понять дальнейшую цепь событий.

* * *

Я сильно сомневаюсь в том, чтобы сами немцы придавали серьезное значение статьям Брестского договора с Украиной, а потом с Россией Ленина и Троцкого. Для дальновидных людей уже, кажется, не было сомнений в том, что почти не оставалось разумной, обоснованной надежды на окончательную, решительную победу немецкого оружия.

Мне передавали, что известный немецкий генерал выразился так, отвечая на вопрос о положении Германии в связи с войной: «Unsere Lage ist glanzend, aber... hoffnungslos». Если немецкий генерал и не говорил этого, то все же в немецком происхождении этого Witz'a сомнения быть не могло и сущность положения Германии он передавал точно и ясно.

Наиболее соблазнительной для немцев частью договора с украинскими социалистами, подписанного в Бресте, были пункты, по которым Украина обязывалась дать немцам 60 миллионов пудов хлеба (муки) и право каждого солдата, несущего службу на Украине, отправлять на родину ежедневно посылку в 12 фунтов весом. Конечно, были у немцев и другие намерения, и они взялись за их выполнение настойчиво и интенсивно. Первая задача была воспользоваться огромными складами военного имущества, и сюда немцы направили много внимания и энергии. Вторая заключалась в широком грюндерстве, которое должно было опутать прочной стальной паутиной немецкого капитала экономическую жизнь богатейшего края. Такие умные социалисты, как Wiedfeld, знали, что и как делать. Становилось страшно при одной мысли, что этим планам суждено осуществиться.

Но хлеба! Прежде всего: хлеба! С этим Leitmotiv'ом немцы явились в Киев и на Украину вообще. И на этой почве немцы рассорились с кабинетом Голубовича и Центральной Радой, то есть с социалистической сепаратистской властью и украинским «парламентом», страх за хлеб привел к ликвидации немцами и министерства Голубовича, и Центральной Рады. Ибо весьма скоро немцы сообразили, что при хозяйничанье гг. Голубовича и К^О с Центральной

---

²⁷ Сулькевич Матвей (Сулейман) Александрович, р. в 1865 г. Из дворян, сын офицера. Происходил из литовских татар, сохранивших мусульманское вероисповедание. Окончил Воронежский кадетский корпус (1883), Михайловское артиллерийское училище (1886), академию Генштаба. Генерал-майор, командир 37-го армейского корпуса. В июне—ноябре 1918 г. премьер и министр внутренних дел Крымского краевого правительства. Генерал-лейтенант.

Радой во главе – хлеба-то именно они и рискуют не увидеть вовсе. Они сразу поняли, что при сохранении в силе универсала о социализации земли, при заготовленных еще заботами «селянского министра» Чернова земельных комитетах, крестьяне, вместо того чтобы пахать и сеять, будут делить землю. А немцам нужен прежде всего хлеб, а никак не социализация земли. Наконец, хлеб нужно закупить, вывезти и доставить по железной дороге. Дезорганизация же, внесенная Центральной Радой и ее министерством во все области управления, в том числе, конечно, и в железнодорожное хозяйство, угрожала в корне подорвать то жизненное начало и дело, из-за которого только и стоило лишиться себя 300-тысячной армии, столь необходимой Германии на ее западном фронте. Резервы Германии быстро таяли от непрерывных боев на территории Франции.

Наконец, и это играло не меньшую роль в охлаждении немцев к сепаратистам «самостийникам», немцы, которым нельзя отказать в том, что они внимательно изучали общественную среду и обстановку, прозрели в Киеве насчет «украинизации». В теории, дома, в концентрационных лагерях, – это было одно, в Киеве, на реальной украинской почве, они нашли нечто совершенно другое; они увидели то, что их самих привело в немалое изумление. «Russland – das verstehe ich, Ukraina – das verstehe ich nicht», – повторял убитый позже в Киеве фельдмаршал Эйхгорн, заменивший вскоре Линзингена. Но об этом я скажу далее, теперь же нужно дать себе отчет в том, кто такие были вновь оказавшиеся у власти украинцы, каковы были их силы и творческие способности, каковы были результаты их деятельности и социального строительства.

Совершенно подобно тому, как Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов являлся самопроизвольным парламентом, да еще облеченным исполнительной властью, державшим в плену Временное правительство, так и Центральная Рада состояла исключительно из левых элементов, украинских с.-р. и с.-д. главным образом, избранных с теми же гарантиями и при тех же технических условиях, что и с.-р. и с.-д. в Петрограде. Отличие было лишь в том, что «министерство» вполне отвечало «парламенту» и в психике, и в мировоззрении – оно, правда, и исходило из недр Центральной Рады. До чрезвычайности типично, что с необычайной быстротой устранены были от дел наиболее почтенные и заслуженные деятели украинской идеи, как, например, ее ветеран, глубоко всеми почитаемый педагог, ученый и литературный деятель В.П. Науменко (Владимир Павлович Науменко был расстрелян большевиками, когда они вторично овладели Киевом весной 1919 года. – Н. М.), назначенный Временным правительством попечителем Киевского учебного округа. Другой почтенный украинец, Н.П. Василенко, был в это время товарищем министра народного просвещения при министерстве акад. С.Ф. Ольденбурга²⁸. В.П. Науменко, серьезный ученый-филолог и талантливый преподаватель, годами и десятилетиями отстаивавший в своем журнале «Киевская старина» право украинского народа на культурное развитие, заставивший уважать себя даже таких самодуров центральной власти, каким был жандармский генерал Новицкий; человек, который приобрел для украинцев симпатии таких выдающихся деятелей академической жизни в России, как покойные академики А.Н. Пыпин, А.А. Шахматов, и О.Е. Корш, и ныне здравствующий С.Ф. Ольденбург. И вот этот человек, живой памятник 50-летия киевской культуры, оказался не ко двору у молодой Украины.

Во главе движения стал профессор Львовского университета, ученик В.Б. Антоновича, русский украинец М.С. Грушевский. Антонович – двуликий Янус, с кафедры университета проповедовавший одно и бывший в дружбе даже с Новицким, у себя дома, в кружке избранной молодежи, проповедовавший другое: ненависть к России.

²⁸ Сергей Федорович Ольденбург (р. 14 сентября 1863 г.), известный ученый-востоковед, академик и непременный секретарь Академии наук, был членом Государственной думы, был министром народного просвещения Временного правительства с 24 июля по 25 сентября 1917 г. Заместителями его были графиня С.В. Панина и академик В.И. Вернадский. Умер в 1934 г.

М.С. Грушевский был последователем Антоновича – домашнего учителя ненавистника России (эти сведения я получил от другого ученика профессора Антоновича, известного педагога в Киеве, летом 1918 г.). Плодовитый писатель, посредственный ученый, привыкший к Австрии и ее конституционному укладу, он примкнул к левым по мотивам непонятным и неизвестным, скорее всего, желая не утратить некоторой своей популярности. А по всему своему существу он был и остается добрым буржуа в буквальном смысле этого слова, любящим комфорт и уединение своей ценной библиотеки.

Дом профессора Грушевского в Киеве, огромное шестиэтажное здание на Паньковской улице, погиб в огне, зажженный снарядами артиллерии Ремнева; в нем, кроме очень ценной библиотеки М.С. Грушевского, погибло тоже ценнейшее собрание украинских этнографических предметов художника-архитектора Кричевского. Пожар дома Грушевского и пожар огромного дома Багрова на Бибиковском бульваре составили одну из грандиознейших картин эпохи бомбардировки Киева, редкой, полной трагизма красоты этого стихийного бедствия. Трудно допустить, чтобы практичный ум М.С. Грушевского разделял увлечения зеленой украинской молодежи в области ее социологических и социалистических экспериментов. Проще допустить, что, дорожа популярностью, он плыл по течению, бессильный оказать ему серьезное идейное сопротивление.

За Грушевским идут три влиятельные в национальных кругах Украины фигуры: В. Винниченко, С. Петлюра и Н. Порш, все приблизительно одного возраста – за 40 лет, все социалисты *de nomine* и совершенно не схожие друг с другом ни по складу ума, ни по темпераменту. Общее у них одно: сепаратистские стремления, исходящие несомненно из очень различных источников их природы. Винниченко – писатель не без воображения и значительного дарования и таланта, наименее их всех национален, по своей сущности, как украинец. По своей страстности и импульсивности это скорее семит, по мистической сложности своей психики это типичный великоросс, где к идеализму славянина подмешан мистицизм финского знахаря, беспокойный Пэр-Гинт с рефлексией Макса Норда, сложное *mixtum compositum* кухни современного европеизма. Человек импульсивный, страстный и опасный, ибо у него нет слабой стороны в виде задерживающих центров. Ему приписывают формулу: «Украина не хочет самостийности. Тем хуже для нее – пусть пройдет через чистилище большевизма, если это необходимый путь к самостийности». И он действительно, не смущаясь, шел на соглашение с большевиками.

Симон Петлюра – трагический символ современной Украины, гораздо более национален; это упрямый «хохол», несколько тупой, хитрый, недоучка и самоучка, но человек с настойчивостью, характером и огромным честолюбием, отравленный ядом случайно свалившейся в руки власти. Не теоретик и не мыслитель, он один умеет организовать и действовать. Черты гайдаматчины живы в нем, и немцы знали, кто им может пригодиться в соответствующий момент, ибо Петлюра искусно ориентируется в трудных положениях, умеет влиять на людей и организовать их. Самый умный, рассудительный, расчетливый, наиболее теоретически и политически подготовленный, наиболее дальновидный, скрытный и по-крестьянски себе на уме, хотя и не из крестьянской среды, часто остающийся в меньшинстве и замыкающийся в сознании своей правоты и превосходства, Н.В. Порш раньше других уловил необходимость ориентации самостийников на Антанту, хотя раньше был убежденным германофилом. Другие фигуры украинских самостийников менее яркие и определенные, поэтому они и менее определялись в практической политике и деятельности. Интереснее других А. Мацевич, образованный агроном, В. Леонтович (не социалист), писатель-беллетрист и украинец-индивидуалист, С. Ефремов, публицист и историк литературы, трудолюбивый работник и постоянно шедший вперед мыслитель.

В общем, у власти оказалась молодежь социалистически настроенная: Д. Антонович – прямолинейный националист, способный, но ленивый, А. Шульгин – работающий и способ-

ный молодой сепаратист, Ткаченко – украинец англоязычной внешности и слабой мысли, Голубович, о котором речь еще впереди, и другие еще менее известные своей деятельностью фигуры и лица.

Из военных сколько-нибудь выдавался, как политически воспитанный, украинец по симпатиям, генерал Оберучев²⁹, но это был умеренный с.-р. и не шовинист, и его смысла, так же как и В.П. Науменко, волна левизны и крайнего национализма.

Какие же в этих условиях могли быть плоды мирной работы, общественного строительства? Рассчитанные на успех звонкие фразы, где поносился русский (московский) централизм, – на них делал свою карьеру М.С. Грушевский. Универсал о самостоятельности Украины как плод усилий закулисной деятельности В. Винниченко и его компании. Универсал о социализации земли как легкий и дешевый продукт коллективного творчества. В практической сфере деятельности все это сводилось к жалкой борьбе с безобидными вывесками, которые перекрашивались в национальные цвета – синий и желтый – и переводились на украинский язык. Много и долго возились с красивым, ампирным двуглавым орлом на здании Педагогического музея на Большой Владимирской улице, выстроенном С. Могилевцевым и захваченном Центральной Радой вопреки всякому закону. К зданию в стиле ампира никак не подходил новый украинский государственный герб, так называемый знак Владимира Святого – в виде трезубца: сделали несколько проб и, по счастью, бросили это бесплодное усилие. В существе своем все начинания сводились лишь к крикливым декларациям, выбрасыванию известных флагов, лозунгов, в области же практики и реальных житейских отношений, возьмем ли мы область управления, суда, землеустройства, ровно ничего не было сделано, кроме введения украинского языка в делопроизводство.

Так же, как и в коренной России, социализация земли кончилась грабежом имений, насилиями, издевательствами, иногда убийством помещиков. Так, например, в Черниговском уезде была зверски убита целая семья помещиков Комаровских из 12 человек. Когда тяжело раненные, недобитые несчастные умоляли дать воды, убийцы отвечали: «Подохнешь и так»... В семи верстах от Чернигова убиты были мои родственники, отец и сын Дзвонкевичи. Моему двоюродному деду, старику, было 93 года, а его сыну за 60 лет, причем этот последний более 30 лет своими руками обрабатывал свою землю, пахал, косил, вставал с восходом солнца, словом, целиком жил обычной жизнью заправского крестьянина.

Людей убивали, усадьбы горели и разорялись, а социализация оставалась пустым звуком. Украинские крестьяне, собственники земли, особенно зажиточные, а таких на Украине было весьма много, были поголовно против опасных затей социализации, так же как и против земельных комитетов, но, боясь мести, молчали и не возражали против сознаваемого озорства и безобразий: раздела скота, хлеба, помещичьих экономий и пр. Когда мне лично приходилось беседовать с теми из них, кого я знал с детства, они потихоньку признавались: «Мы бы вам всех их выдали, смутьянов и грабителей, только на одном условии: чтобы они больше к нам не вернулись». Боязнь мести определяла весьма многое в отношении к происходившей кругом анархии.

По моему глубокому убеждению, украинские социалисты во всей области законодательства обнаружили не больше творчества, чем их товарищи большевики в период их сидения в Смольном институте. У них не хватило храбрости быть последовательными до конца на манер большевиков, но все же к чести их нужно сказать, что они не действовали террором, пыткой и расстрелами. Бессильные прекратить анархию, которую они сами вызвали своим наивным «законодательством», они – и в этом их огромное отличие от большевиков – не обагрjali еще тогда рук своих ни поощрением, ни одобрением, ни моральным участием в кровопролитии. Но

---

²⁹ Полковник (затем генерал-майор) **К.М. Оберучев** после Февральской революции 1917 г. был командующим войсками Киевского военного округа. После 1918 г. жил эмиграции в США, издал в Нью-Йорке книгу «Офицеры в русской революции».

в украинской интеллигенции сказалась общая черта с русской интеллигенцией: партийное доктринерство вытравило всякое представление о реальных жизненных взаимоотношениях явлений, и, упрямо губя свою родину и свое собственное будущее, украинцы, как и русские, создали себе кумиров из сухих формул и лишенных внутреннего содержания форм и трафаретов.

Пользуются ли национально настроенные украинцы доверием широких масс населения, во имя которых они действуют и именем которых так часто злоупотребляют? Пользуется ли «украинизация» симпатиями широких масс населения Украины? Нужно раз хотя бы высказать ту истину, что в той исторической стадии, в какой жило тогда население Украины, оно было более чем равнодушно ко всяким попыткам и затеям украинизации. Украинцы слишком много лгали на эту тему. Городская демократия к украинизации школы, например, относилась просто отрицательно. Как показали грустные события и переживания Киева, Харькова, Одессы, население городов везде имеет явную склонность к большевизму, а деревня везде жаждала одного: земли!

Тот, кто обещал землю, и являлся властителем деревни. И впредь проблема власти остается открытой в той же плоскости: только тот создаст власть и на Украине, и в России, кто укрепит право на землю за крестьянством и создаст гарантию от социализации и всяких видов экспроприации.

Украинские эсеры, составлявшие большинство в той массе интеллигенции, или, лучше сказать, полуинтеллигенции, которая служит в земствах, кооперативах, чиновниками в разного рода правительственных учреждениях и т. п., обещали всю землю крестьянам. Это единственное действительное средство получить голоса деревни. И это нужно иметь в виду для понимания дальнейших развернувшихся событий.

Если еще нужно беспристрастное свидетельство полного провала идеи украинизации и сепаратизма, то следует обратиться к вполне надежному и беспристрастному свидетельству немцев, которые были заинтересованы углублением украинизации для успеха расчленения России. Через два месяца пребывания в Киеве немцы и австрийцы, занимавшие Одессу, послали обстоятельный доклад в Берлин и Вену в совершенно тождественной редакции. Немецкое высшее военное командование, составившее этот доклад (я имел его в руках только на $1/2$ часа и имел возможность лишь бегло просмотреть этот обстоятельный и интересный документ), доносило, что из всех учреждений на Украине единственно стоящее на высоте задачи и имеющее авторитет среди населения – это суд и его деятели, все же остальное далеко не на высоте задачи. Если немного усовершенствовать устаревшие в некоторых областях законы, то, опираясь на суд и военную силу, можно управлять страной. Далее доклад красноречиво доказывал, что существующее правительство не в состоянии водворить в стране необходимый порядок, что из украинизации практически ничего не выходит, ибо население стремится к русской школе и всякий украинец, поступающий на службу, хотя бы сторожем на железную дорогу, стремится и говорить, и читать по-русски, а не по-украински. Общий же вывод был тот, что желательнее объявить открыто и легально оккупацию края немецкой военной силой. Это было в 20-х числах апреля 1918 года.

Да и в практике своей немцы мало внимания и уважения уделили украинскому языку: люди практики, они видели, что все население прекрасно понимает русский язык, а потому объявления свои они печатали на русском языке, если учились, то учились русскому, а не украинскому языку и т. д. Пробежав вышеупомянутый документ, я понял, что дни Центральной Рады и министерства Голубовича сочтены.

* * *

Вокруг генерала Павла Петровича Скоропадского³⁰ сгруппировались все антисоциалистические элементы Украины, начиная от крупных помещиков и кончая мелкими земельными собственниками – крестьянами-«хлеборобами», все политические партии правее социалистов, начиная от кадетов. Это был достаточно сплоченный антисоциалистический блок без партийных разномыслий и без национальной розни. За ним пошли и русские, и евреи, и украинцы, и поляки, и кадеты, и октябристы. Но что бы ни говорили враги Скоропадского, в основе организации «хлеборобов», которая на съезде 29 апреля объявила генерала Скоропадского Гетманом всея Украины, была сильная группа настоящих крестьян-собственников, для которых смертельной угрозой был универсал о социализации земли. Переворот от народной Украинской республики к гетманству мог совершиться, конечно, только при содействии и с согласия немецкой власти, так как какими-либо собственными реальными силами генерал Скоропадский не располагал. Сделано все было чрезвычайно аляповато и грубо: немцы даже не соблюли *decorum'a* нейтралитета. Дело с внешней стороны обошлось так.

В теплый, благоуханный апрельский день, около трех часов пополудни, к зданию, где заседала Центральная Рада, т. е. к Педагогическому музею на Владимирской улице, направились небольшие отряды немецких солдат. Двумя шеренгами солдат, поставленными поперек широкой улицы, отгородили участок против Педагогического музея – первый со стороны Фундуклеевской улицы, второй – от Бибиковского бульвара: подходы к зданию, где заседала Центральная Рада, были отрезаны. Небольшой отряд немецких солдат под командой офицера вошел в здание Центральной Рады. Через час или максимум 1¹/₂ из здания Рады был выведен арестованным премьер Голубович и увезен в карете вниз по Фундуклеевской улице. Я наблюдал за этими наружными операциями, стоя на углу Фундуклеевской и Владимирской улиц, в рядах небольшой группы лиц, случайных прохожих и выбежавших из кафе отеля «Метрополь» с противоположного угла по диагонали. Было около четырех часов дня, послеобеденное для киевлян время. Ко мне подошел присяжный поверенный В., бывший очевидцем того, что произошло внутри здания Центральной Рады, так как мой знакомый был в числе публики, присутствовавшей на открытом заседании Рады. Вот рассказ очевидца, постороннего наблюдателя:

«Маленький отряд вооруженных немецких солдат вошел в зал заседания Рады, оставив стражу у всех выходов залы. «Руки вверх!» – скомандовал немецкий офицер. Все подняли руки, кроме профессора М.С. Грушевского, который, смущенный, остался сидеть на председательском кресле. Выпустили сначала публику, проверяя документы, потом членов Рады, задержали только некоторых членов правительства».

Потом я узнал некоторые подробности. Не обошлось без издевательства. Так, министра иностранных дел – 20-летнего юношу, студента 2-го или 3-го курса, – поставили лицом в угол и велели не двигаться. Был произведен обыск, выемка документов, причем обыску подвергся и стол председателя Рады, профессора М.С. Грушевского.

После увоза немцами премьера Голубовича я поднялся вверх по Владимирской на Софиевскую площадь. Туда скоро хлынула с Крещатика по Софиевской улице значительная толпа

---

³⁰ **Скоропадский Павел Петрович**, р. 3 мая 1873 г. в Висбадене. Потомок (праправнук) гетмана Украины в начале XVIII века И.И. Скоропадского. Окончил Пажеский корпус (1893). Служил в л.-гв. Конном полку. Генерал-лейтенант, командир 34-го армейского корпуса. После «украинизации» корпуса продолжал им командовать в войсках Украинской народной республики до 29 декабря 1917 г. В марте 1918 г. возглавил опирающуюся на офицерство организацию «Украинская народная громада». Руководитель переворота, результатом которого стало упразднение 29 апреля 1918 г. Украинской народной республики и провозглашение Украинской державы во главе с гетманом. 14 ноября 1918 г. провозгласил федерацию Украинской державы с будущей меньшевистской Россией. В результате начавшегося тогда же петлюровского восстания 14 декабря 1918 г. вынужден был отречься от власти и выехал в Германию, где погиб при бомбардировке 26 апреля 1945 г. в Меттене (Бавария).

народу и скоро подъехал в автомобиле генерал П.П. Скоропадский, только что прокламированный «хлеборобами» гетманом. Он был в черной черкеске с Георгиевским крестом на груди. Его стройная, красивая фигура и красивый, римский профиль производили свой эффект. На площади перед колокольной Софиевского собора отслужен был молебен. Картина была очень красивая при мягких лучах на закат стоящего весеннего солнца. Голубое небо, свежая весенняя зелень... серьезный и торжественный звон колоколов...

Долго не расходились толпы любопытных городских обывателей, среди которых выделялись группы серьезных, настоящих крестьян – «хлеборобов». В настоящих, бытовых своих костюмах, с «вышиваными сорочками» и в «чемирках», они долго еще служили предметом всеобщего внимания.

К ним подходили, их расспрашивали, говорили они настоящим народным, образным, часто полным юмора, украинским языком. Такими же были, наверное, и их переяславские предки, заключившие договор с Россией. Много уравновешенности, спокойствия, привычки к невзгодам и упорному труду выражали эти настоящие хозяева Украины.

* * *

Так чисто и гладко, без единого выстрела с чьей бы то ни было стороны, ликвидирована была Центральная Рада, к общему удовольствию особенно киевлян, которые относились к украинскому парламенту с нескрываемым недружелюбием, ничего путного от него не ожидая. переворот произошел мирно и без пролития крови. Украинские социалисты бросились к всемогущему, умному генералу Гренеру, умоляя его оставить им власть. Мне пришлось слышать, категорически утверждать этого не берусь, что украинцы вели себя без всякого достоинства, приносили в жертву свою программу, особенно земельную, но генерал Гренер остался неумолим и отвечал украинцам: «Zu spat!»

Переворот, как мы видели выше, вовсе не нуждался в военной организации, об этой стороне дела, почти не требовавшей усилий, позаботились немцы.

Но гражданские силы заговора собирались так открыто и свободно, что у нас в квартале об этом, что называется, щебетали «воробьи на крышах».

Организация власти не давалась в руки неопытным абсолютно в политической жизни провинциальным профессорам, ученым, земцам и разного рода чиновникам.

Долго еще возились на «конспиративной» квартире д-ра Ю.В. Любинского с составлением «министерства».

Наскоро объявленного председателем Совета министров доброго и симпатичного любителя лошадей Н.Н. Сахно-Устимовича (он был потом расстрелян большевиками) сменил скоро временный премьер профессор Н.П. Василенко, а тем временем послали гонцов разыскивать намеченного в постоянные премьеры известного земского деятеля Федора Андреевича Лизогуба, который очень медлил со своим приездом в Киев. Нескоро, однако, кабинет окончательно сконструировался (первый кабинет был в таком составе: председатель Совета министров и министр внутренних дел Ф.А. Лизогуб, министр юстиции – М.П. Чубинский, министр народного просвещения – Н.П. Василенко, министр финансов – А.К. Ржепецкий, министр земледелия и продовольствия – Ю.Ю. Соколовский, министр промышленности и торговли – С.М. Гутник, министр труда – Ю.Н. Вагнер, министр здравоохранения – Ю.В. Любинский, Государственный секретарь – И.А. Кистяковский, военный министр – генерал Рагоза, министр иностранных дел – Д.И. Дорошенко, министр путей сообщения – инженер А.И. Бутенко, министр исповеданий – В.В. Зеньковский. – Н. М.) и приступил к своей работе.

* * *

События развивались с такой фееричной быстротой, что за ними трудно было поспевать мысли и психике неподвижного и не привыкшего к политическому мышлению обывателя, а жизнь требовала решения на каждом шагу.

Как смотреть на *coup d'état*, в центре которого стояла фигура генерала П.П. Скоропадского? Идти или не идти работать в создавшихся условиях?

«Немецкий ставленник!», «Изменник России!», «Изменник Антанты!». Не было, кажется, достаточно сильно клеймящих эпитетов в устах непримиримых, прямолинейных российских патриотов. В.В. Шульгин и его единомышленники покинули Киев и уехали на Дон.

Менее прямолинейные подходили к вопросу спокойнее, стараясь оценить объективно сложившиеся обстоятельства и создавшуюся общую обстановку и в них искать выхода в будущее. Рассуждали приблизительно так:

1) Не мы виновны в появлении немцев. Но немецкая оккупация Украины – объективный факт, которого никак не выкинешь из истории Киевской Руси.

2) Немцы согласны на образование местного правительства из умеренных элементов. Они берутся своими силами обеспечить порядок внутри, не допустив разлития большевизма и оградив Украину от его проникновения извне.

3) В случае отказа в сотрудничестве немцы, очевидно, объявят Украину легально оккупированной страной. Мы не в состоянии, совершенно бессильны оказать какое-либо сопротивление иноземной силе. Немцы, как это было в Бельгии и в Польше, вывезут все, что только можно: и в первую голову хлеб и все огромные запасы и склады военного материала и имущества, которым набиты были интендантские склады Украины. И это последнее едва ли в интересах края и будущей России, вера в которую не покидала, едва ли это также в интересах Антанты и незаконченной еще войны, ибо борьба самая ожесточенная и тяжкая на западном фронте еще продолжалась.

Сомнения, как известно, громадным большинством разрешены были положительно, то есть в сторону сотрудничества и поддержки генерала П.П. Скоропадского.

* * *

В каких чертах рисуется нам образ генерала П.П. Скоропадского? Постараюсь в общих, объективных чертах изобразить его портрет, хотя всякий поймет трудность такой задачи.

Потомок стародубского полковника Скоропадского, бывшего гетманом Украины с 1708-го по 1722 год, крупный помещик Черниговской и Полтавской губерний, женатый на дочери генерала П.П. Дурново, воспитанник Пажеского Е. И. В. корпуса – Павел Петрович Скоропадский и по рождению, и по воспитанию, и по службе, и по связям принадлежит целиком придворной русской аристократии, той части русского или украинского дворянства, которая делала карьеру при дворе.

Состояние Скоропадского хотя и уступало по размерам состоянию Сумароковых-Эльстонов, Белашевых, Строгановых, но все же стояло в ряду первых мест, далеко уступая, однако, крупным состояниям известных американских миллиардеров. Несмотря на богатство и знатность рода, П.П. Скоропадский может быть причислен к демократам по взглядам и убеждению: это человек, искренне и глубоко любящий украинское крестьянство, среди которого он вырос, где выросло и окрепло его самосознание как украинца.

Если прибавить к этому его доброту, постоянное и искреннее желание прийти на помощь, приветливость и подкупающую наружность, то станет весьма понятной способность его при-

влекать сердца и симпатии окружающих людей. Человек личной храбрости, хотя и нервный, это в то же время человек риска и фаталист – таким сделало его, вероятно, военное ремесло.

Нечего, конечно, и говорить о том, что к той роли, какую ему навязал слепой каприз истории, П.П. Скоропадский ни в каком отношении подготовлен не был и уже, конечно, не мечтал о воскрешении из прошлого и отжившего – исторической археологии – гетманства, когда после развала фронта в 1917 году осенью с трудом добрался до Киева. Был лишь один момент, определявший будущее: порученная ему центром украинизация корпуса свела его в украинскую среду, в круг офицерства, националистически настроенного.

Эти сильные переживания были последними впечатлениями, увезенными им с рассыпавшегося фронта.

С другой стороны, тянули связи, привычные отношения с придворной знатью и петербургской аристократией.

Мягкий до бесхарактерности, доброжелательный до легкомыслия, он всем хотел сделать добро и приятное, а потому в жизненных, глубоких противоречиях не умел выдержать строгую и определенную линию поведения.

Если прибавить к этому весьма сложную политическую конъюнктуру, в которой родилась Народная Украинская Республика, вспомнить, что восприемницей гетманства была Германия, то из сказанного ясно будут все те исключительные трудности, какие предстояло урегулировать Гетману «Всея Украины». Тут нужен был исключительной проницательности и широкого политического кругозора ум и специальные дарования, которых не доставало Скоропадскому.

Окруженный льстецами и часто ничтожными людьми, он, привыкши к этой атмосфере, не замечал ее исключительной неуместности в переживавшийся тяжкий момент. И все же всегда и везде он оставался тем, чем был, т. е. совершенным джентльменом в английском понимании этого слова. В не столь сложное, ответственное время он был бы, думается, неплохим конституционным правителем. Если мотивы самолюбия и честолюбия могли играть роль в той исторической драме, где центральной фигурой был П.П. Скоропадский, то мы, конечно, не должны забывать, что покупалось все это недешевой ценой. Не у всех даже хватало и не у многих хватило бы храбрости возложить на свои плечи бремя гетманской власти.

Нельзя поэтому не одобрить тех, кто решил разделить с П.П. Скоропадским бремя этой власти.

Первым за себя и положительно решил этот вопрос профессор Киевского университета Н.П. Василенко, бывший товарищ министра народного просвещения при Временном правительстве в Петербурге, принадлежавший к партии кадетов и умеренный националист-украинец.

Человек в высшей степени честный, спокойный и добросовестный, он много труда положил на формирование первого кабинета министров Скоропадского, куда и вошел министром народного просвещения и временно премьер-министром и министром иностранных дел. Впоследствии председатель Сената, он пользовался все время большим влиянием у Скоропадского и значительным авторитетом в Совете министров.

Человек чистый, лично ничего не искавший, культурный украинец и друг России, он, к сожалению, мало импонировал немцам, не находил достаточно твердости в сношениях с ними. Работал он чрезвычайно интенсивно, спокойно, стараясь создать мирные отношения между украинцами и русскими.

Федор Андреевич Лизогуб, сразу намеченный в премьер-министры, происходил из старой украинской фамилии Черниговской губернии. Земец-октябрист, хорошо знавший земское дело, русский человек до мозга костей, он оказался слабым в руководстве работами кабинета и недостаточно дипломатом для чрезвычайно запутанного и ответственного момента в положении Украины, в ее чрезвычайно деликатных и сложных отношениях с Германией, Антантой и, главное, с Россией. Под его председательством Совет министров больше похож был на земское

собрание. Заседали чуть не ежедневно с 9 часов вечера до 2—3, иногда до 5—6 часов утра, трагично много времени на решение элементарных вопросов, но не было никакого плана законодательной работы, как не существовало и определенной, стройной, выдержанной политики ни в области экономической, ни в области внутреннего управления. Каждое ведомство работало по-своему, не считаясь со смежными, законодательствовали случайно, au jour le jour, и, когда накладывали законодательную заплатку на какую-нибудь случайную дыру законодательного кафтана, непрочная ткань его расплывалась по соседству.

Так, например, министр юстиции М.П. Чубинский все свое внимание сосредоточил на создании Сената. Сенат и был действительно создан чуть ли не из $\frac{3}{4}$ бывшего Сената Российской империи, что для Украины, жившей под иностранной оккупацией, было ненужной роскошью, а на местах не было судебных следователей, и преступность росла и развивалась благодаря безнаказанности преступления.

Целый ряд обвинений сформулирован был Министерством промышленности и торговли против Министерства путей сообщения, которое, по словам доклада В.А. Ауэрбаха, «организацию – первое требование железнодорожного хозяйства – заменило украинизацией» – намек на крайности в этом направлении, практиковавшиеся в ведомстве вопреки серьезным интересам дела. В другом ведомстве, наоборот, хорошим тоном были насмешки над «украинской мовой» (языком). Словом, примеров отсутствия плана и единства в действиях можно было бы набрать сколько угодно.

Если подвести итоги деятельности первого министерства гетмана Скоропадского с мая до половины октября, т. е. за период времени около полугода, то министерство это выступает перед нами со следующими чертами:

1. Министерство это не было сепаратистским или антирусским. Оно жило надеждой на возрождение России и всеми силами хотело помочь России на пути к этому возрождению. (См., например, такой документ, как записка 10 министров от 10 октября 1918 г.) В работе этого министерства принимали участие между многими другими лицами русского происхождения и направления: С.Н. Гербель, Г.Е. Афанасьев, Г.Г. Лерхе, сенатор С.В. Завадский, Сементовский-Курилло, фон Замен, обвинение которых в измене России не только фактически не может быть обосновано, но и просто неумно.

2. Министерство это всеми своими силами старалось поддержать Украину в ее борьбе с анархией и дать простор развитию ее культурных сил. И вместе с тем оно отнюдь не было антиукраинским, в чем его обвиняли с другой стороны. Не следует придирается к частностям. Вообще же было дано много доказательств уважения к украинскому языку и слову. Много доверия было оказано украинским силам, и не вина гетмана Скоропадского и его министров, если Украина оказалась очень бедной культурными силами, необходимыми для созидательной работы. Для ответственной работы требовалось много специальных технических знаний, а потому для занятия некоторых видных и важных постов приходилось по необходимости обращаться к неукраинским элементам. Виновата в этом вся предшествующая история, а никоим образом не Скоропадский.

3. В основе своей направление гетмана Скоропадского и его министерства было либерально-демократическое. Преследовались цели, принимались меры, имевшие в виду благо всей массы населения, всех его слоев и классов. Правда, Министерство внутренних дел иногда прибегало к мерам репрессивного характера, но время было такое, что всякая мягкость (а ее со времени революции было проявлено слишком много, а последствия ее оказались совершенно фатальными) принималась за признак слабости власти и поднимала настроение у тех элементов, которые противопоставляли себя власти. Так, например, демагогические, а не демократические в своей основе городские думы тяжелым камнем фатально, быть может сами того не замечая и не отдавая себе в этом отчета, тянули в пучину большевизма. Обвинения в недемократичности, реакционности, империализме и т. п. у нас распространяются с легкостью пора-

зительной и вместе с легкомыслием, которое в своей наивности было бы еще простительно, если бы часто не было совершенно преступно.

У нас вообще в моде всякого рода обвинения и малообоснованные, огульные суждения. Сколько самых злостных выпадов, обвинений, малообоснованных и часто вовсе недобросовестных, было высказано в печати по адресу генерала П.П. Скоропадского! Я пишу эти строки, отнюдь не имея в виду апологии генерала Скоропадского, сделавшего ряд больших промахов и огромных ошибок, но я предложил бы его обвинителям задать себе следующий вопрос: что приобретал генерал Скоропадский, идя в совершенно исключительно тяжелых условиях на роль гетмана? Удовлетворение честолюбивых замыслов? Но это покупалось слишком дорогой ценой.

«Жизнь моя личная была сплошным адом в период гетманства», – писал мне П.П. Скоропадский в начале 1920 года из Швейцарии.

И те, кто видел и действительно умел наблюдать условия жизни в Киеве, скажут, что в этих простых словах нет преувеличения. Скоропадский пошел на шаг, на который другие не рискнули. В этом шаге, что бы ни говорили, был элемент сознательной жертвы.

Рисковать ежеминутно своей жизнью – этому могла научить генерала Скоропадского только 3-летняя война, активным участником которой он был в самых ответственных местах фронта. Обстановка, повторяю, была исключительно трудная.

«Если бы мне пришлось повторить опять всю историю, я, по совести, не мог бы поступить иначе, чем я поступил», – писал мне в другом письме П.П. Скоропадский.

При личном, более близком знакомстве с П.П. Скоропадским, которое относится к концу 1919-го и началу 1920 года, я нашел в нем человека, который:

- 1) совершенно искренне ненавидел старый режим;
- 2) проводил идею децентрализации, а не сепаратизма (с тех пор П.П. Скоропадский, к сожалению, эволюционировал сильно в сторону сепаратистских симпатий. – Н. М.);
- 3) считал совершенно необходимым создать условия для свободного развития украинского народа, ибо он верит в существование, даже в настоящий момент, культурных сил на Украине.

П.П. Скоропадский утверждает, что он все свое личное влияние употребил на радикальное решение аграрного вопроса в пользу крестьян, и он всегда с горечью говорит о тех элементах на Украине, которые оказали оппозицию и противодействие проведению на Украине аграрной реформы в интересах широких масс крестьянства.

Не забудем и того, что период гетманства был временем полной национальной терпимости и признания равноправия национальностей.

Не были ли приняты все меры, чтобы приютить всех бежавших из коренной России от террора большевиков, спасти их имущество и жизнь, сохранить, по возможности, больше культурных сил России?

В Киеве происходило формирование так называемой Южной армии для борьбы с большевиками, поддержанной затем, после соглашения с генералом П.Н. Красновым, и оружием, и деньгами.

Наконец, гетманский период не знал вовсе еврейского вопроса, как такового, со всеми его отвратительными чертами: не было ни еврейских погромов, ни каких-либо иных преследований на религиозно-национальной почве. Некоторые дикие выходки украинской прессы гасли в атмосфере, неблагоприятной для культа национальной розни. Наоборот, защита интересов евреев, как равноправных граждан Украины, велась определенно и в очень настойчивых выражениях перед лицом австрийского военного командования, где иногда обнаруживались тенденции к средневековым мерам по отношению к еврейскому населению (в архиве Державной Канцелярии должны были сохраниться по этому вопросу весьма интересные документы. – Н. М.).

Да, Скоропадский взялся за задачу, которая требовала и более сильной воли, и более ясного творческого понимания, и совершенно исключительной твердости в борьбе с малосознательными элементами населения. Не он создал события, а события создали его.

Справедливы ли поэтому упреки, адресуемые Скоропадскому? Этот упрек в равной мере падает на все антибольшевистское движение и все белые фронты одинаково. Внутренняя логика событий, процесс социальный – в ходе русской революции были бесконечно сильнее как усилий отдельных лиц, именами которых возглавлялись местные попытки реакции против большевизма, так и всей идеологии интеллигентной России, которая с негодными средствами пыталась бороться со стихией. Этой стихией владели и овладели одни только большевики, и это потому, что они сразу же влились в ее мощный, разрушительный поток и пошли по течению за стихией и далее, накладывая свой штамп там, где им того вовсе и не хотелось. Таков, например, Брест-Литовский мир.

Украина и украинский народ слишком мало отличались от России по культурным условиям, а потому так же фатально, как Россия, Украина сделалась добычей большевиков.

Раньше других генерал Скоропадский стал жертвой исторической неизбежности. Часто колеблющийся, неустойчивый, он все же, хотя и разбитый, не заслуживает того морального осуждения, которое на него так охотно возлагают. *Primus inter pares* в несчастье и неудаче. Ответственность за эту неудачу ложится морально и на всех нас. Последствия ее, как крест свой, мы несем тоже, как и те, кто временно сиял наверху.

В положении Украины были черты, которые не позволяли питать особого оптимизма насчет будущего. В Киеве остался написанный мною в июле 1918 года литературный документ, предназначавшийся для французской прессы, известной группе моих друзей, где на основании анализа положения «самостийной» Украины я предсказывал скорую трагическую развязку и приурочивал ее определенно к моменту победы союзников над немцами на Западном фронте. Отнюдь не с целью подчеркнуть здесь свою прозорливость, упоминаю я об этом, а исключительно для того, чтобы подчеркнуть основную и роковую ошибку в оценке положения деятелями гетманского периода на Украине. Даже такие несомненно умные люди, как И.А. Кистяковский³¹ и др., были убеждены непоколебимо в торжестве немецкого оружия. «Немцы в августе возьмут Париж, я в этом убежден», – говорил Кистяковский. И это убеждение, к сожалению, разделялось почти всеми.

Не этой ли атмосферой объясняются известные заявления П.Н. Милокова, сделанные им в Киеве. А если такой опытный политический деятель и глубокий знаток международных отношений мог ошибиться в оценке политической конъюнктуры, то насколько это простительнее людям менее широкого опыта и кругозора.

Я чувствовал себя глубоко одиноким в своем непоколебимом убеждении в близком, конечном разгроме немцев. И для этого убеждения были несомненно не одни теоретические соображения и выкладки, а и более реальные, объективные признаки. Я внимательно и пристально следил за немцами, их психикой, тем, что и как они делают и что они говорят. Я раньше имел много случаев наблюдать немцев, и теперь я сравнивал то прежнее, что я знал о них, с тем, что я видел в то время в Киеве. Я ясно и отчетливо наблюдал их усталость и какое-то едва уловимое смущение. Даже когда они веселились, с них не сходил какой-то налет глубокой грусти. Если вы долго, серьезно и спокойно развивали им мысль о безнадежности затеи мирового господства, с их уст срывались тонкие фразы: «Unsere innere Lage ist sehr schwer». Мне казалось, что я верно оценивал значение ее: неудачи на фронте (о которых ничего не было известно в Киеве) вызвали опасения за внутреннюю устойчивость империи.

---

³¹ Кистяковский Игорь Александрович, р. ок. 1876 г. Присяжный поверенный. В феврале 1918 г. осуществлял связь Правого центра с военными организациями в Москве, осенью 1918 г. участник организации офицерских дружин в Киеве, с ноября 1918 г. министр внутренних дел гетманского правительства. В эмиграции.

Из указанной выше основной ошибки русских политических деятелей на Украине проистекали ошибочные выводы: 1) Украина может рассчитывать на немецкие войска до формирования своей, новой армии; 2) Украине предстоит длительный период самостоятельного существования, ибо таково направление берлинской политики.

Это иллюзорное сознание обеспеченного спокойствия за немецкими штыками заставляло не торопиться с выработкой сеймового закона. По этой же причине не торопились и с аграрным вопросом и аграрными законами. Оттого тянули скучную канитель мирных переговоров с большевистской мирной делегацией, возглавлявшейся Г.Х. Раковским.

* * *

Каково же было внутреннее положение страны, наводившее меня на самые грустные выводы уже с конца июня месяца?

Прежде всего необходимо констатировать тот факт, что аппарат власти был вконец разрушен на Украине, как и в коренной России. Новый аппарат создавался в невероятно тяжелых условиях. Из элементов, которые всю жизнь свою были в оппозиции правительству и вовсе не были воспитаны к власти, трудно было ее конструировать: они вносили лишь разложение и раздражение, дискредитируя самую власть, как таковую. Новые представители власти не умели, часто при лучших намерениях, подойти вплотную и авторитетно к новому для них делу. Старые же деятели, часто вновь призванные к власти, применяли слишком старые и ненавистные приемы управления.

Такие губерниальные старосты (губернаторы), как, например, А.В. Десницкий (в Мелитополе) из старых земцев, Пищевич (в Херсоне), сразу выдвинувшиеся своей деловой распорядительностью, были большой редкостью.

Выше мы уже упоминали о крайнем недостатке следственных властей и о расстройстве судебных функций. Как курьез можно привести случай, когда ревизия камеры мирового судьи установила такой факт: мировой судья (из новых, назначенных при Ц. Р.) разобрал всего лишь одно дело: о своем собственном разводе со своей супругой.

Анархия сдерживалась одной силой – немецким оружием. Как же держали себя немцы в украинской деревне? Все зависело, конечно, от личного командного состава. Мне пришлось лично наблюдать немцев, бывших на постах в деревне Каневского уезда, Киевской губернии, которые не вызвали раздражения у населения и не оставили по себе дурных чувств. За все те продукты, которые они брали у населения, они исправно платили и ничем население не обижали.

В других же местах – я читал об этом ряд подробных донесений и следственных протоколов – шел прямой, бесстыдный и циничный грабеж. Были случаи во многих местах, когда помещики пользовались немецкой силой для восстановления своих прав и в особенности врата своего ограбленного имущества (движимости). Это приводило иногда к таким конфликтам, что немцам приходилось пускаться в ход артиллерию.

В общем же население подчинялось насилию в сознании своего бессилия.

«Что делать, барин? – говорили явившиеся из деревни крестьяне. – Немцы требуют сено по 1 рублю за пуд, а стоит оно по 8 рублей; берут сало и платят по 1 рублю за фунт, а в городе Чернигове цена пять рублей. Как тут, скажете, быть? Давать или не давать?» Я отвечал: «Вы же знаете, что наши солдаты, в том числе и ваши односельчане, бросили фронт и, несмотря на все убеждения и предупреждения, решили прекратить войну. Немецкие же солдаты пришли вооруженные, они слушаются своих офицеров и команды; если вы им добром не уступите, они возьмут то, что им надо, силой и уже тогда ничего не заплатят. А не будет немцев – придут большевики: те уже, конечно, платить не будут, а возьмут все даром. Когда у нас опять будет

армия, которая захочет слушать офицеров, тогда можно будет оказать сопротивление немцам. А без армии мы, конечно, терпим и вперед будем терпеть обиды».

Крестьяне стояли в раздумье, почесывая затылки, – видно, рассуждение это было настолько элементарно и понятно, что возражений не последовало.

Австрийцы были хуже немцев, у них конфликты с населением были чаще, чем у немцев, чаще были и жестокие репрессии, вызывавшие глубокую анархию и разложение деревенской жизни. Но там действовала иноземная сила.

Но еще хуже, разлагающе действовали появившиеся местами добровольческие карательные отряды (офицерские?). 29—30 июня я лично имел случай наблюдать возникновение крупных беспорядков, вызванных действиями карателей, в Каневском уезде Киевской губернии. В селе Б. Букрине в помещичьей усадьбе жила моя семья. Вечером 29 июня я приехал в Букрин и застал свою 15-летнюю дочь страшно взволнованной. Дело заключалось в том, что накануне, за два-три дня, в усадьбу нагрянуло несколько людей в военной форме (офицеров?), арестовали нескольких крестьян, на которых падало подозрение в грабеже имущества экономии (имевшее место в период господства Центральной Рады), арестованных крестьян связали, били и истязали. Вели себя военные люди чрезвычайно нагло и грубо. Требовали пищи, пили и ели и, конечно, ничего за принесенные им продукты не платили. Со слезами на глазах рассказывала дочь, как на ее глазах офицер (?) побил девочку лет 12, которая принесла ему хлеб и приветливо, с поклоном подала ему.

Офицеры (?) скоро уехали, а в соседнем селе М. Букрине крестьяне, узнав об экзекуции в Б. Букрине, взяли за оружие и образовали вооруженную банду, которая начала свои агрессивные действия против жившей в своей усадьбе семьи помещика Д. Напуганные обитатели убежали в соседний лес, где и провели в страхе всю ночь. На другой день крестьяне того же Букрина, с которыми Д. был всегда в самых хороших отношениях, помогли им, забрав кое-что из имущества, выехать на подводах на пароходную пристань.

Ожидая возможных осложнений и в Б. Букрине, я выехал утром 30 июня на лошадях в Ходоров к пароходной пристани, но туда добраться уже было невозможно, ибо Ходоров оказался в районе военных действий между прибывшим из Канева небольшим военным отрядом с уездным старостой (прежний исправник) во главе и восставшими крестьянами, которых оказалось уже к этому времени около 1000 человек. Шла пулеметная и ружейная перестрелка. Во время этих военных операций был тяжело ранен уездный староста, отряд его был разбит и на лодках бежал за Днепр в Полтавскую губернию. Ходоров был занят повстанцами. Пришлось нам возвращаться обратно и ехать на Переяслав, что и удалось без всяких осложнений.

Обо всем мною виденном и слышанном в связи с этой историей мною был представлен немедленно подробный письменный доклад министру внутренних дел Ф.А. Лизогубу. Мне неизвестно, чтобы были предприняты какие-либо меры для обуздания карателей и против карательных экспедиций вообще. Известно стало, что для усмирения разросшегося восстания вызваны были немцы, а их методы действий в этих случаях бывали решительные, однако едва ли способные внести успокоение в деревню, ибо усмирение это совершалось далеко не мерами убеждения и кротости.

Я передавал свои наблюдения молодому помещику Полтавской губернии К., возмущаясь карателями и бездействием по отношению к ним власти.

«Ничего! Так им и надо... немцы миндальничать не будут, а за грабежи тоже не мешает проучить...»

Я просто остолбенел от такого ужасного непонимания обстановки и грозных перспектив. Увы! Такой случай отношения не являлся далеко единичным или изолированным. Эгоизм, корыстолюбие, желание использовать обстановку в своих личных целях и выгодах были слишком заурядным явлением у помещиков.

Так возникали беспорядки в совершенно мирных уголках. Там, где восставшие брали верх над слабыми отрядами карателей или где восставшим попадали в плен офицеры, даже не принимавшие участия в карательных действиях, повстанцы распоряжались с ужасающей жестокостью, напоминающей гайдамачину. У нас были донесения, что штыками вытягивали кишки у несчастных жертв народной ненависти и жестокого самосуда разъяренной толпы.

Я глубоко убежден в том, что, не будь тогда налицо немецкой силы, гетманская власть была бы легко сметена еще в июне—августе 1918 года.

Трудно, конечно, поддается определению роль социалистической пропаганды в организации восстаний, конечно, отрицать совершенно (как многие это делают) ее значения нельзя, но я указал выше на реальные факты и причины крупных волнений и беспорядков, возникавших в весьма мирной обстановке, вне всякой идейной пропаганды.

Я уже упоминал, что мне неизвестно, какие меры принимались против действий карательных отрядов и вообще принимались ли таковые, я упоминал также о легкомысленном, открытом одобрении действий карателей некоторыми помещиками, но я а priori думаю, что власть не имела достаточной силы и авторитета, чтобы бороться с этим явлением. К непрекращавшимся волнениям деревни в конце августа присоединилась еще железнодорожная забастовка, поддержанная, а быть может, даже и организованная на огромные денежные средства, затраченные большевиками. Городская демократия повела атаку на правительство, а национальный украинский блок начал оказывать большое и успешное давление на терявших под ногами почву немцев.

Совет министров гетмана являл в ту пору картину полной неработоспособности. Голоса в Совете неизменно делились ровно пополам, было очевидно, что две половины Совета расходятся между собой в самых основных пунктах и принципах. Положение было катастрофическое. К внутренней неурядице присоединилась напряженная и успешная пропаганда большевиков.

Министром внутренних дел был в этот период уже не безвольный Ф.А. Лизогуб, а И.А. Кистяковский, наиболее яркая фигура во всем министерстве гетмана, умный, талантливый и чрезвычайной работоспособности человек. Он из сил выбивался, стараясь укрепить власть, что отчасти, особенно в провинции, ему и удавалось, но объединить кабинет на единственно спасительной в тот момент политике твердой власти было невозможно, и такие влиятельные министры, как, например, Н.П. Василенко, деловой С.М. Гутник, симпатичный и гуманный В.В. Зеньковский, шли определенно против Кистяковского, увлекая за собой ровно половину Совета министров. Повторялась трагедия власти Временного правительства в Петрограде, и, несмотря на предупредительный, яркий опыт истории, люди упорно держались пути политической маниловщины и невозмутимого прекраснотушия.

Но весьма понятно, что в создавшихся условиях работа министерства не была и не могла быть продуктивной.

В самом начале своей деятельности на боевом посту министра внутренних дел Кистяковский все свои усилия употреблял на привлечение к практической, созидательной деятельности местных национальных украинских деятелей. Но, к сожалению, на этом пути он потерпел почти полную неудачу, ибо все это были в большинстве своем люди, привыкшие к беспочвенной оппозиции и они, за весьма редкими исключениями, оказались неспособными к простой, деловой работе. Как я уже выше упоминал, особенно трудно было наладить аппарат местной власти: с фатальной неизбежностью приходилось возвращать к власти и вербовать для кадров новой власти людей опыта старого времени, которые были к тому же настроены очень озлобленно всеми предыдущими событиями. И люди начинали действовать по-старому, забывая, что изменилась не только обстановка, в которой приходилось работать, но и, самое главное, обывательская психика. Не будучи вовсе реакционером, И.А. Кистяковский быстро создал себе репутацию крайнего реакционера, чем восстановил против себя как русские либераль-

ные элементы, так и украинских националистов. И причина здесь лежала не в существе дела, а в крайней распушенности языка и резкости слов, которыми И.А. Кистяковский кстати и некстати, т. е. без всякой к тому нужды, раздражал имевших с ним дело лиц и целые общественные группы. (Для примера можно привести такой эпизод. После речи Кистяковского в Одессе ему кто-то сказал: «Что же, это возврат к временам Плеве?» – «Передо мной и Плеве, и Сипягин скоро окажутся мальчишками», – не моргнув глазом, ответил Кистяковский. – Н. М.)

Справедливость требует сказать, что словесные злоупотребления были в моде в этот период и их позволяли себе деятели весьма почтенные и уважаемые.

Большой заслугой Кистяковского была прямая, открытая борьба, объявленная им большевикам, причем он храбро брал на себя весь odium за прямые и откровенные средства этой борьбы. Несчастье заключалось в том, что он не умел отфильтровывать чистый большевизм, не сумел создать условия, при которых за ним пошли бы для этой борьбы левые, небольшевистские фракции и партии оппозиции.

Но легко ставить это в вину и во сколько раз труднее практическая работа в данном направлении при условии, о котором я упоминал уже и выше, а именно: теоретики демократии, больше следившие за чистотой своих партийных формул, чем за кричащими, неотложными потребностями дня, а иногда и минуты, левые группы, к сожалению, не могли создать ничего положительного ни в сфере устройства практической жизни – для этого достаточно посмотреть на результаты практической деятельности Киевского и Одесского городских управлений, бывших почти целиком в руках левых дум, ни тем более в сфере организации трудной борьбы с большевизмом. Большевики, не связанные, в сущности, ничем, даже собственными формулами и обещаниями, и действовавшие с грубой, циничной откровенностью, легко брали верх над всякими социал-демократами и социалистами-революционерами.

Их взаимоотношения напоминали больше всего известную сказку Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист». Дело кончалось неизменно по одному, хорошо заранее известному трафарету:

все и вся попадало в шучье хайло.

Повторяю, И.А. Кистяковский, оставаясь на немецкой формуле «самостийной Украины», вел совершенно добросовестно борьбу с большевизмом, как интернациональным, возглавляемым Кремлем, так и с большевизмом национальным, возглавляемым Петлюрой и его революционным штабом. Первый, международный большевизм имел своим представителем в Киеве Г.Х. Раковского, стоявшего во главе мирной делегации и занятого совсем не мирными делами. На наиболее вредных деятелей из этой группы и были направлены удары Кистяковского.

Если я говорю о большевизме национальном, то здесь нужна некоторая оговорка. Среди национального союза были настоящие большевики-украинцы, и от них первым был украинский писатель, талантливый и страстного темперамента агитатор В.К. Винниченко. С.В. Петлюра хотя и не был большевиком, но работа его агентов по подготовке восстания против гетманской власти равносильна была отдаче Украины во власть большевиков, что и подтвердили блестяще события ближайших месяцев.

Препятствием, ставшим на пути гетманской власти, в этой борьбе ее с большевиками, стали немцы. Это необходимо особенно подчеркнуть, ибо украинская эпопея была лишь частью общей картины. Немцы импортировали большевиков в Россию, поддерживали их в течение 1918 года всюду: в Москве, Киеве, Одессе – безразлично. Вспомним, как снисходительно отнеслись немцы к убийству графа Мирбаха в Москве. Немецкий посол на Украине фон Мумм очень нервничал, видя, сколь мало реагировала центральная власть на убийство Мирбаха.

В распоряжении украинского Министерства внутренних дел были материалы, содержавшие неопровержимые доказательства, показывавшие, что члены большевистской мирной деле-

гации ведут усиленную пропаганду большевизма на Украине, не жалеют миллионов «керенок» на организацию железнодорожной забастовки и на организацию вооруженного восстания. В начале октября 1918 года И.А. Кистяковский докладывал Совету министров, что немцы препятствуют ему арестовать известных своей преступной деятельностью опасных большевиков и требуют освобождения других (в архиве Госуд. Канцелярии должен был сохраниться документ – проект заявления Совета министров немецкому главному командованию, написанный мною в самом заседании Совета. И.А. Кистяковский предпочел вести устные переговоры. – Н. М.). И.А. Кистяковский тогда же сделал заявление, что в создавшихся условиях он слагает с себя ответственность за безопасность и спокойствие Киева.

В то же время немцы потребовали освобождения арестованного Петлюры. У меня имеются точные доказательства, что С.В. Петлюра был освобожден гетманом Скоропадским по настойчивому требованию немцев. У меня имеется письмо ко мне П.П. Скоропадского, где на прямой вопрос мой об этом (по поводу письма, опубликованного С.К. Моркотуном в «Cause Commune» осенью 1919 года) П.П. Скоропадский ответил, что он вынужден был освободить Петлюру по настоянию немцев, угрожавших в противном случае освободить его силой.

Есть данные о деятельности С.В. Петлюры еще в качестве председателя земской управы, когда в огромном здании земской управы на Владимирской улице открыто съезжался и работал по организации антигетманской пропаганды весь штаб украинских социалистов-революционеров, штаб будущего восстания Петлюры.

В письмах ко мне П.П. Скоропадский сетует на то, что полиция не могла дать ему в руки материала, достаточно уличающего Петлюру.

Я же весьма склонен думать, что, останься на посту министра юстиции А.А. Романов, материала для обвинения С.В. Петлюры нашлось бы достаточно, даже несмотря на защиту его немцами.

Мне представляется, что вся политика немцев на Украине сводилась к тому, чтобы поддерживать в стране состояние неустойчивого равновесия, для того чтобы в любой момент чашка весов, на которую немцы положили бы гирю своего влияния, могла накренить весы истории туда, куда, по тем или иным соображениям, это желательно было бы немцам. Достаточно в этом смысле обратить внимание на следующую оригинальную, чтобы не сказать более, комбинацию: немцы не только поддерживали материально, но и помогали формированию офицерских отрядов, так называемой Южной армии³², и в то же время немецкие офицеры-инструкторы находились в большевистских отрядах, дравшихся против офицеров русской армии.

---

³² Южная армия формировалась летом 1918 г. в Киеве союзом «Наша Родина» (герц. Г. Лейхтенбергский и М.Е. Акацтов), имела монархическую и прогерманскую ориентацию. В июле 1918 г. при союзе в Киеве было образовано бюро (штаб) армии, которым руководили полковники Чеснаков и Вилямовский, имевшее целью вербовку добровольцев и отправку их в Богучарский и Новохоперский уезды Воронежской губ., где формировалась 1-я дивизия ген.-майора В.В. Семенова. Начальником штаба армии был приглашен ген.майор К.К. Шильдбах, начальником контрразведки армии в Киеве в августе 1918 г. был будущий создатель Русской Западной армии подполк. П.Р. Бермондт (кн. Авалов). В августе началось формирование 2-й дивизии ген.-лейт. Г.Г. Джонсона в Миллерове и штаба корпуса. В течение трех месяцев по всей Украине было открыто 25 вербовочных бюро, через которые отправлено в армию около 16 тысяч добровольцев, 30% которых составляли офицеры, и около 4 тысяч в Добровольческую армию через донского атамана П.Н. Краснова. В Пскове вербовочное бюро армии возглавлял подполк. Бучинский. В конце августа были сформированы эскадрон 1-го конного полка (полк. Якобсон) в Черткове и пехотный батальон в Богучаре. В штаб армии начали поступать предложения от целых офицерских составов кавалерийских и пехотных полков, сохранивших свои знамена и штандарты, вступить в армию при условии сохранения их частей. Идею создания армии активно поддерживал гетман П.П. Скоропадский. Именно он передал в армию кадры 4-й пехотной дивизии (13-й Белозерский и 14-й Олонецкий полки), из которых планировалось еще весной создать Отдельную Крымскую бригаду украинской армии. Кроме того, Южной армии были переданы кадры 19-й и 20-й пехотных дивизий, почти не использованные в гетманской армии. Именно они послужили основой для 1-й и 2-й дивизий Южной армии. Немецкое командование, видя в Добровольческой армии силу себе враждебную, препятствовало поступлению в нее добровольцев, поощряя, напротив, комплектование Южной армии, в результате чего многие офицеры были дезориентированы и в итоге не попали ни в одну из них. Предполагалось, что Южная армия будет действовать вместе с Донской, и П.Н. Краснов требовал перевода этих формирований в Кантемировку. 30 сентября 1918 г. донской атаман издал приказ о формировании Особой Южной армии из трех корпусов: Воронежского (бывшая Южная армия), Астраханского (бывшая Астраханская армия) и Саратовского (бывшая

Немцы как бы сознательно поставили себе цель – уничтожение русского офицерства, и взятие Киева большевиками в 1918 году имело непосредственным результатом избиение русского офицерства. Невольно задаешь себе вопрос: не мозг ли немецкого штаба руководит рукой большевиков в русско-украинской войне начала 1918 года?

Необходимо еще напомнить, что те же немцы постоянно и намеренно путали карты при переговорах Украины с Крымом, чтобы и здесь, как-нибудь невзначай, не было достигнуто какого-нибудь соглашения. *Divide et impera* было их лозунгом. А русские Украины и Крыма, серьезно вообразив себя двумя государствами, вели таможенную войну между собой, будто кому-то было полезно, чтобы в Крыму гнили продукты, когда в Киеве на них стояли безумные цены. Позорная страница!

Когда немцы стали нажимать на генерала Скоропадского, настаивая на создании левого кабинета с преобладанием националистических элементов, для меня стало совершенно ясно, что немцы, не чувствуя за собой силы удержать далее Украину в сфере своего исключительного влияния, возвращаются к общей своей политике разложения России, ибо сомнения не могло быть в результате работы левых элементов. Этот результат был фатально неизбежен, и резюмировался он кратко: Украина должна быть большевистской. Не могло быть сомнения и в том, что в соответствующий момент немцы предадут и «Гетмана Всея Украины». Если и сомневался, быть может, то не хотел этому верить сам гетман.

* * *

Вообще же немцы играли с Украиной так, как кошка играет с мышью: то придавит, то даст побегать и насладиться иллюзией свободы, зорко следя в то же время, чтобы добыча не ушла от стола хищника-победителя.

В сфере промышленно-экономической и финансовой они все держали в своих цепких руках, опутывая на будущее время Украину густой сетью, расставленной немецким промышленным капиталом с его активным грюндерством, агентом которого был в Киеве небезызвестный г. Добрый³³.

Напрасно выбивался из сил, стараясь отстаивать свою финансовую независимость, добросовестный и честный А.К. Ржепецкий. Немцы, конечно, оставались *maitres de la position* и в душе, конечно, смеялись, когда гетманское правительство заключало самостоятельные договоры с Румынией, недостижимой в то время Данией и т. п. Теперь документы и материалы, характеризующие промышленные и экономические взаимоотношения Украины с немцами, уже доступны для научного исследования, которое восстановит нам картину этих отношений и пределы самостоятельности Украины в этой основной сфере жизнедеятельности страны, я же здесь ограничиваюсь лишь характеристикой положения.

Другой, дорого обходившейся Украине иллюзией, было создание украинской армии. Наивно увлеченный этой идеей, П.П. Скоропадский из-за этого миража делал такие шаги, как, например, его путешествие в Германию и его свидание с императором Вильгельмом, Гинден-

---

Русская народная армия) во главе с ген. Н.И. Ивановым (нач. штаба ген. Залесский). Осенью 1918 г. она насчитывала более 20 тыс. чел., из которых на фронте находилось около 3 тыс. бойцов. После перевода частей Южной армии в район Черткова и Кантемировки обнаружилось, что их насчитывается едва 2 тыс. чел., в т. ч. не более половины боеспособных. К октябрю боевой элемент Южной армии исчислялся всего 3,5 тыс. чел. К концу октября, после четырех месяцев формирования, армия насчитывала едва 9 тыс. шт. Она (теперь под названием «Воронежский корпус»; ген.-лейт. кн. Н.П. Вадбольский) была передана Северо-Восточному фронту Донской армии, и 7 ноября 1918 г. ген. Семенов со своей дивизией выступил на фронт. Однако в ноябре при 3 тыс. шт. на фронте армия имела в тылу более 40 штабов, управлений и учреждений и в ней числилось около 20 тыс. чел. Части армии, действовавшие на воронежском направлении, понесли большие потери. В февраля—марте 1919 г. они были реформированы и вошли в состав 6-й пехотной дивизии ВСЮР.

³³ **Добрый Георгий (Юрий)**, киевский банкир, был членом финансовой комиссии на переговорах Центральной Рады с немцами. Его арест послужил непосредственным поводом для переворота, приведшего к власти гетмана П.П. Скоропадского.

бургом и Людендорфом. А между тем путешествие это, хотя бы и вовсе безобидное по своим результатам и содержанию, крайне повредило П.П. Скоропадскому в общественном мнении как кругов Антанты, так и России.

Я никогда не разделял искренней и серьезной веры П.П. Скоропадского в возможность создания серьезной военной силы на Украине. Начать с того, что немцы никогда бы не потерпели создания сколько-нибудь значительной военной силы на Украине, так как фатально и неизбежно она сделалась бы угрозой им самим. Едва ли можно допустить, чтобы немцы не давали себе в этом отчета.

Но, даже допустив на минуту эту мало в общем вероятную возможность, я задаю вопрос: из каких элементов можно было надеяться создать это войско?

Среди офицеров были украинские националисты, среди южнорусского офицерства, даже высших рангов, были федералисты, которые, не будучи ни врагами, ни сепаратистами, тем не менее определенно не сочувствовали и относились отрицательно к восстановлению единой, централизованной России. Значительное число таких офицеров после падения гетмана очутились в Польше: они не захотели пойти за Петлюрой, как завзятым врагом России, но, с другой стороны, они отказались и от вступления в ряды деникинской Добровольческой армии, на знамени которой они не видели даже автономии Украины. Нужно только немного воображения, чтобы представить себе душевную драму этих несчастных жертв капризов истории. В такой бесконечно тяжелой обстановке пришлось им решать вопрос своей совести!

Наконец, на службу в гетманские войска пошли многие русские офицеры для борьбы с большевиками, и недостатка предложений услуг для ролей командиров корпусов, начальников штабов, центральных установлений военного ведомства никогда не было.

Недоставало одного, но зато весьма существенного: солдат. И главная беда была в этом: неоткуда было взять надежных солдат. Призывная молодежь украинская уже побывала в тылах действующей армии, развратилась от безделья и большевистской пропаганды на сходках и митингах, но главное – бездельем тыловой службы и связанного с нею времяпровождения. Создать военные части из этих элементов, или даже из свежих элементов совершенно распущенной деревенской молодежи, было, мне кажется, совершенно невозможно. Куда направлены были мысли и каково было настроение солдат, побывавших в действующей армии, было наглядно продемонстрировано «синими жупанами», о которых мы уже говорили выше.

Надежного войска, особенно при ненадежных командирах, как показала история полковника Болбочана³⁴, генерала Гутора³⁵ и многих других, взять было неоткуда. Я делился этими мыслями с военным министром генерала Скоропадского, глубоко честным и симпатичным, добрым и мягким генералом Рогозой³⁶, который разделял мои опасения.

Находившаяся в состоянии анархии деревня, где, как мы выше видели, часто беззастенчиво и жестоко хозяйничали немцы, конечно, легко делалась жертвой пропаганды агентов Петлюры, не вследствие того сомнительного соблазна, который обещала украинизация, а просто потому, что петлюровцы обещали свободу полного ограбления помещиков в пользу крестьян и не противились прямому грабежу всякого добра в помещичьих экономиях.

Как только, под давлением немцев, Скоропадский создал новое министерство с преобладанием левых элементов – стало ясно, что дни Украины сочтены.

---

³⁴ **Болбочан Петр Федорович**, р. в 1883 г. в Хотинском у. Подполковник. Участник боев с большевиками в декабре 1917 г. в украинских частях. В 1918 г. в гетманской армии, начальник Запорожской дивизии, осенью 1918 г. поддержал восстание С. Петлюры, затем в армии УНР. Полковник. Расстрелян 12 июня 1919 г.

³⁵ Имеется в виду генерал-лейтенант **Алексей Евгеньевич Гутор** (р. в 1868 г., в службе с 1886-го, офицером с 1888-го, окончил академию Генштаба в 1895 г.), который затем служил у большевиков (до 1931 г.) и был расстрелян 13 августа 1938 г.

³⁶ **Рогоза (Рагоза) Александр Францевич**, р. 8 июня в 1858 г. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1877), академию Генштаба (1883). Генерал от инфантерии, командующий 4-й армией. В мае—декабре 1918 г. военный министр Украинской державы. Расстрелян большевиками 29 июня 1919 г. в Одессе.

* * *

Да и как бы оно могло быть иначе? Должен был прийти тот, кто теперь имел негласную поддержку немцев: он и являлся, по существу, хозяином положения. Это были большевики.

События, достаточно последовательно развивавшиеся затем, были лишь медленной агонией, временем, потребным для искусного машиниста, чтобы переменить декорацию при открытом занавесе. Самые попытки генерала Скоропадского изменить лозунги и иначе ориентировать внутреннюю и внешнюю политику ускоряли логическое развитие событий.

Когда гетман передал власть новому министерству под председательством С.Н. Гербея, в украинских кругах называемого «министерством русских монархистов», – это целиком развязало руки украинцам-националистам. Они прямо объявили войну гетману как изменнику Украины: 15 ноября они образуют тайную Директорию, где главная роль принадлежит В.К. Винниченко, но в ней фигурирует также и будущий «генералиссимус» С.В. Петлюра.

Небольшие отряды русских офицеров не могли устоять долго под ударами коалиции открыто воюющих украинцев, тайно наступавших с севера большевиков, при весьма подозрительном «нейтралитете» немцев. Вся эта «война» потребовала лишь одного неполного месяца. Отрекшийся от власти гетман П.П. Скоропадский, брошенный всеми, увезен был в Берлин под видом раненого немецкого офицера, благодаря заботам о нем одного германского врача. Только это спасло ему жизнь.

Войска Директории вошли в Киев 14 декабря. Торжество украинцев было, впрочем, недолгое: всего через шесть недель они должны были бежать из Киева, уступив его большевикам.

Об этом событии вовсе умалчивает брошюра, изданная в Париже под заглавием: «Chronologie des principaux événements en Ukraine de 1917 a 1919». В этой брошюре будущий историк найдет немало интересных деталей событий, относящихся к началу 1919 года, а также некоторые документы, относящиеся к 6-му и 12 февраля и даже марту 1919 года.

Своими собственными руками растерзали живое тело своей «неньки» (матери) Украины гг. Винниченко, Петлюра и их менее знаменитые товарищи, ибо живой и здоровой они хотят видеть ее только «самостийною». Есть, правда, и такой вид патриотизма, о котором поэт Украины Т.Г. Шевченко писал:

...та отечество так любить,
так за ним бідкуэ,
та так з нього сердешного
кровь, як воду точить...

Кровью и слезами залили всю Украину Винниченко, Петлюра и прочие украинские патриоты. Объявив в 1917 году ее полную независимость, они исполнили задание немцев, по указке которых Ленин провоцировал украинцев известным уже постановлением Совета рабочих и солдатских депутатов, цитированным мною вначале: они вызвали бомбардировку и взятие Киева большевистскими войсками под командой Ремнева и Муравьева. Брест-Литовским договором они отдали Украину на разграбление немцам и австрийцам. Восстанием против гетмана они вконец разорили Украину, отдав ее вторично в руки большевиков. На этот раз дело осложнилось еще такими аксессуарами, как деятельность разбойничьих банд Махно, Григорьева и других «атаманов» и грандиозными еврейскими погромами, которые затмили собою все, что ставилось в вину царскому правительству России с 80-х годов прошлого столетия и до 1906 года включительно, когда, например, Кишиневский погром 1903 года заставил весь мир содрогнуться от негодования.

Какими детскими сказками представляются теперь кишиневские события в сравнении с деяниями петлюровцев, жертвы которых достигают по неточным еще данным до 100 тысяч человек.

С тех пор до нашего времени страна не выходит из состояния анархии. Страсти, искусственно разожженные в Гражданской войне, вызвали наружу все худшее в человеческой природе, и не видно конца испытанию огнем и мечом, где, кроме жертв человеческой жестокости, сотни и тысячи людей гибнут от голода, холода и развившихся на этой почве страшных эпидемий тифа, холеры, дизентерии и др. И не видно конца этой трудноописуемой трагедии, без исхода, видимого впереди, и без всякого просвета надежды на будущее.

Кто передаст словами то, что пережили города Южной России? Киев, Харьков, Одесса, Херсон, Екатеринослав, если мы вспомним лишь крупные центры. Перенаселенные города, куда от деревенского террора бежало все могущее бежать из деревень население, переполненные к тому же беженцами военного времени из Царства Польского и прибалтийского края, беженцами от большевистского террора из Центральной России, по несколько раз переходили из рук в руки, платили контрибуции не только деньгами и имуществом, но и жизнью обывателей, разграбляемых то большевиками, то махновцами, иногда на протяжении нескольких дней. Все это ждет еще своего историка. В этой вакханалии произвола, насилия, разнузданного и утонченного издевательства над человеческой личностью многие впали в мистическое равнодушие ко всему окружающему, другие потеряли рассудок.

Если бы гг. Петлюра, Винниченко и другие господа украинские националисты действительно ценили свою родину и любили ее не через призму своего упрямого, узкого шовинизма, они не пошли бы на восстание против гетмана, ибо после опыта января 1918 года у них не могло быть никаких сомнений в исходе той борьбы, которую они начинали. Будь они не завистники власти, а настоящие патриоты, они всеми своими силами должны были бы поддержать гетманскую Украину, даже в том случае, если не все стороны гетманского режима одобрялись и принимались ими. Как в известном случае Соломонова суда, они бы скорее оставили любимого ребенка живым и целым в чужих руках, чем в своих окровавленных народной кровью в преступной, навязанной народу борьбе. Ибо трудно найти для них другое наименование – они явились несомненно губителями Украины, и как таковые войдут они в историю.

Изменники России, ненавистники всего русского, они надолго засорили дорогу для спокойного, разумного решения украинского вопроса. Многие из тех русских прогрессивных деятелей, которые с симпатией относились к стремлениям культурного украинства, к развитию украинского языка, литературы и национального творчества во всех областях жизни, теперь с ужасом отшатнулись от своих прежних симпатий, увидев бездну человеческого страдания, принесенного в качестве жертвы на алтарь национальной обособленности и розни.

И если Россия будущего, черты которой не вырисовываются еще даже в виде силуэтов, превратится когда-нибудь в федеративное государство типа Северо-Американских Соединенных Штатов, то после пережитых ужасов петлюровщины почва для соглашения страшно засорена и загрязнена. Страсти раскалены добела, и трудно хладнокровно подойти к решению и без того сложной государственно-национальной проблемы.

Трагедия Украины, как и всей России, еще не закончена. Мы видим для Украины единственный разумный выход в мирном соглашении с Россией.

Русские же люди, мы верим, вдумаются в переживаемую трагедию и в опыте ужасных событий современности почерпнут указания для разумной, справедливой политики будущего.

А. Гольденвейзер³⁷ **ИЗ КИЕВСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ³⁸**

В митинговой речи, произнесенной в 1919 году в Киеве, Троцкий (как мне передавали) очень картинно изобразил поведение украинской мирной делегации в Бресте. Он рассказал о том, как украинцы, согласно телеграфным инструкциям из Киева, стремились во что бы то ни стало заключить мир, притом возможно скорее. После каждого разговора по прямому проводу с Киевом делегация становилась все уступчивее и уступчивее. Но когда все уже было налажено и предстояло только получить санкцию Рады для подписания договора, телеграфная связь с Киевом оказалась прерванной: в тот самый день Киев заняли большевики, а Рада бежала в Житомир.

Для населения города Киева это первое большевистское завоевание прошло, однако, далеко не так легко и гладко, как могло казаться в Бресте. Мы пережили тогда заправскую артиллерийскую атаку, воспоминания о которой до сих пор живы у киевлян.

Бомбардировка города длилась целых 11 дней – от 15-го до 26 января. Большевистские батареи были расположены на левом берегу Днепра, в районе Дарницы. Оттуда перелетным огнем производился обстрел города. Посылали они к нам попеременно трехдюймовки и шестидюймовки...

Жертв среди жителей было сравнительно немного, но разрушения были ужасны. Думаю, что не менее половины домов в городе так или иначе пострадало от снарядов. Возникали пожары, и это производило особенно жуткое впечатление. Большой 6-этажный дом Баксанта на Бибикивском бульваре, в чердак которого попал снаряд, загорелся и пылал в течение целого дня. Водопровод не действовал, так что пожарная команда и не пыталась тушить. Пламя медленно опускалось с этажа на этаж, на глазах у всего города. От дома остался только голый каменный остов.

Легко представить себе состояние киевлян в эти дни. Пережив затем еще десяток переворотов, эвакуаций, погромов и т. п., киевские жители до сих пор с особым ужасом вспоминают об этих одиннадцати днях бомбардировки. Почти все время население провело в подвалах, в холоде и темноте. Магазины и базары, само собой разумеется, были закрыты; поэтому приходилось питаться случайными остатками и запасами, которых тогда никто еще не считал нужным иметь.

К ужасам и страхам, вызываемым непосредственной опасностью от артиллерийского огня, прибавлялись страхи внутреннего порядка. Тогда мы в первый раз увидели, что в Гражданской войне, в момент перехода власти, обе борющиеся стороны одинаково враждебны и одинаково опасны для населения. Завтрашняя власть, естественно, отождествляет его с враждебной ей партией, под ферулой которой оно еще находится; вчерашняя же власть, потеряв надежду удержаться, теряет вместе с тем всякий интерес к населению – к его безопасности, к его пропитанию, к его политическим симпатиям. У нас часто случалось, что отступавшие войска творили больше бед, чем сменявшие их завоеватели. Впоследствии мы неоднократно имели случай убедиться в непреложности этого своеобразного социологического закона.

На этот раз уходили украинцы; и они покидали Киев не так, как оставляют родной город и столицу, а как эвакуируют завоеванную территорию. В центре города, на улицах и площадях, были расставлены батареи; это в некоторой степени и оправдывало с стратегической точки зрения артиллерийский обстрел извне. Город не эвакуировался до последней возможности,

---

³⁷ Гольденвейзер А.А. – киевский юрист, преподаватель. В 1919—1921 гг. он оставался в Киеве и служил в советских учреждениях, с июля 1921 г. – в эмиграции.

³⁸ Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. VI. Берлин, 1922.

хотя никакой надежды удержать его у украинского командования не было. Это, разумеется, только напрасно затягивало обстрел.

Внутри города, как и естественно, царил хаос и сумятица. «Вильное казачество», защищавшее город, чинило всякие эксцессы; во дворе нашего дома расстреливали людей, казавшихся почему-либо подозрительными. В последние дни, уже под обстрелом, происходил министерский кризис: Винниченко ушел, его сменил умеренный с.-р. Голубович. Рада заседала (в подвале Педагогического музея) и рассматривала какие-то законопроекты.

Население города чувствовало себя оставленным на произвол судьбы – жалкой игрушкой в руках безответственных политических экспериментаторов.

Мы сидели по подвалам и нижним этажам, прислушивались к звукам пролетающих снарядов и при каждом ударе обсуждали вопрос: выстрел это или разрыв? За два дня до конца бомбардировки, посреди таких рассуждений, нас оглушил невообразимый грохот. Это уж несомненно был разрыв, притом в самой непосредственной близости. Оказалось, что артиллерийский залп угодил в наш дом. Насчитывали впоследствии около двадцати попавших в нас снарядов. Все стекла фасада вылетели. Снаружи и внутри дома оказалось много повреждений.

Улучив минуту затишья, я с трепетом поднялся на 7-й этаж в свою квартиру, представлявшую весьма благодарную мишень для прицела. Предо мной развернулось довольно непонятное зрелище. Все стекла были выбиты, большое трюмо в передней разлетелось вдребезги. В библиотеке картина была такова, будто в ней похозяйничали домовые или какие-нибудь озорники: толстые фолианты «Свода законов» валялись на полу, среди вещей был замечен беспорядок. Однако непосредственных следов от снаряда заметно не было. Это и придавало обстановке характер какого-то намеренно устроенного беспорядка... Но когда я зашел в свой кабинет, картина совершенно разъяснилась; там была выломана часть стены, обстановка, вещи и книги представляли кучу развалин; воздух был полон густой пылью, как это бывает возле построек, которые сносятся на лом. Очевидно, снаряды попали именно сюда, здесь же произошел и разрыв. Но сотрясение было так сильно, что движение воздуха наделало беспорядок и в соседних комнатах...

26 января, утром, в город вступили большевики. Они пробыли тогда в Киеве всего три недели, и тот первый лик большевизма, который мы увидели за это короткое время, не был лишен красочности и своеобразной демонической силы. Если теперь ретроспективно сравнить это первое впечатление со всеми последующими, то в нем ярче всего выступают черты удалства, подъема, смелости и какой-то жестокой непреклонности. Это был именно тот большевизм, художественное воплощение которого дал в своей поэме «Двенадцать» Александр Блок.

Последующие навыки и опыты подмешали к большевистской пугачевщине оферты фарисейства, рутины и всяческой фальши. Но тогда, в феврале 1918 года, она предстала пред нами еще во всей своей молодой непосредственности.

Разумеется, и 26 января, когда стихла канонада и в город вступили большевики, и в последующие дни нам было не до спокойных наблюдений и параллелей. Эти первые дни были полны ужаса и крови. Большевики производили систематическое избиение всех, кто имел какую-либо связь с украинской армией и особенно с офицерством. Произведенная незадолго пред тем регистрация офицеров имела в этом отношении роковые последствия: многие предъявляли большевикам свои регистрационные карточки, и это вело к неминуемой гибели. Солдаты и матросы, увешанные пулеметными лентами и ручными гранатами, ходили из дома в дом, производили обыски и уводили военных. Во дворце, где расположился штаб, происходил краткий суд и тут же, в царском саду, – расправа. Тысячи молодых офицеров погибли в эти дни. Погибло также много военных врачей – между ними известный в городе хирург Бочаров, который ехал на своей пролетке в госпиталь и показал остановившему его солдату свою регистрационную карточку. Та же участь постигла доктора Рахлиса, недавно только возвративше-

гося из австрийского плена и схваченного таким же образом, когда он стоял на улице в какой-то очереди.

Тогда же был самочинно, гнусно и бессмысленно расстрелян киевский митрополит Владимир. Говорили также о расстреле генерала Н.И. Иванова³⁹, но это оказалось мифом.

Открытых грабежей и реквизиций тогда, насколько я помню, еще не было. Но были случаи вымогательства и шантажа под угрозой расстрела.

Во главе большевистских войск стоял тогда знаменитый полковник Муравьев, участвовавший впоследствии в восстании эсеров и пустивший себе пулю в лоб после его неудачи. При нем был известный кронштадтский матрос Рошаль. Это были вполне подходящие главари для банды, которую представляла собой завоевавшая нас армия, – жестокие и сокрушительные в отношении врагов, строгие и деспотические в отношении своих подчиненных. Тотчас после своего вступления в город Муравьев призвал к себе представителей банков и торгово-промышленного капитала и в самом разбойничьем тоне завел с ними речь об уплате наложенной на город контрибуции. Вскоре после этого он уехал – завоевывать Одессу.

В одном из своих приказов Муравьев писал, что большевистская армия «на остриях своих штыков принесла с собой идеи социализма». Рафес ответил на этот приказ очень смелой статьей под названием «Штыкократия». Это было тогда возможно, так как некоторые остатки прессы существовали при этих «первых большевиках» – сохранились «Последние новости», украинская и еврейская газеты. «Киевская мысль» была не только закрыта, но в ее редакции и на ее бумаге печаталась какая-то большевистская газета. Само собой разумеется, что та же участь постигла и «Киевлянина». В.В. Шульгин был даже арестован большевиками; после предательства городского головы Рябцева он был освобожден.

Это был, вообще, один из героических моментов в истории нашей городской думы. Большевики с нею, до известной степени, считались. И дума – в частности городской голова Рябцев – делала все, что было в ее силах, для защиты населения и города.

Понятно, за три недели большевики не могли успеть создать свои новые учреждения и органы. В различные учреждения были ими назначены комиссары. Суд был закрыт и адвокатура упразднена. Говорили о предстоящем переезде в Киев харьковского Совнаркома, но он до нас так и не доехал. В опубликованном списке назначенных украинских народных комиссаров не было ни одного известного имени. Комическое впечатление производило назначение г-жи Бош комиссаром внутренних дел. Комиссаром юстиции был назначен какой-то Люксембург; никто ни раньше, ни после ничего о нем не слышал, и мы спрашивали друг друга, сделано ли это назначение в честь Розы Люксембург или в честь опереточного графа Люксембурга...

Во время пребывания большевиков в Киеве заканчивались мирные переговоры в Бресте, и в один прекрасный день мы получили текст подписанных большевиками условий мира. Впечатление было потрясающее. Слухи о том, как разговаривал с русской делегацией генерал Гофман и как он, наподобие Николая I, проводил на картах по линейке черты будущих границ, усиливали чувство унижения и стыда, которое все мы в этот момент испытывали. Театральные приемы, которыми хотела спасти свое достоинство русская делегация, – подписывание не читая и т. д., – производили впечатление жалкой и неуместной комедии.

Помню, как я поднимался по Караваевской улице, читая выпущенную только что телеграмму о мире. «Вот вам и мир без аннексий и контрибуций!» – крикнул мне кто-то с проезжавшего мимо извозчика. Я оглянулся и встретился взглядом с экспансивным д-ром Б.

Итак, сепаратный мир между Германией и Россией был подписан. «Посылкой Ленина в Россию, – пишет в своих мемуарах генерал Людендорф, – наше правительство взяло на себя

---

³⁹ **Иванов Николай Иудович**, р. в 1851 г. Окончил 2-й кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1869). Генерал от артиллерии, до марта 1916 г. главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта, затем состоял при Ставке, в начале 1917 г. – командующий войсками Петроградского военного округа. С 1917 г. жил в Новочеркасске. 11 октября 1918-го — 29 января 1919 г. командующий Южной армией. Умер от тифа 29 января 1919 г. в Одессе.

особую ответственность. С военной точки зрения поездка оправдывалась: Россия должна была пасть».

И она действительно пала.

Текст подписанного мира сообщили нам не полностью, и мы не могли тотчас увидеть, как он отразится на судьбе нашего города. Рада, бежав из Киева, заседала в Житомире; о ее переговорах с немцами ничего еще не знали. Но уже в ближайшие дни после получения первой телеграммы о мире по городу стали ходить слухи о германском наступлении на Украину. Вскоре стало заметно смущение и у самих большевиков. А еще через пару дней одна из местных газет осмелилась перепечатать приказ одного немецкого генерала, в котором говорилось, что германская армия, по просьбе представителей дружественного украинского народа, идет освобождать Украину из-под власти большевиков.

Наступление немцев шло с фантастической быстротой. Никакого сопротивления им не оказывали. Через каких-нибудь семь дней после подписания мира они были уже в Киеве. При этом вступление немецких войск в город еще было задержано на день или два, пока прошли на восток эшелоны чехословацких полков.

Большевистские власти вели себя в последние дни совсем по-мальчишески. Официозные органы их ссылались на неизбежную помощь со стороны ожидаемой со дня на день всемирной революции. Совнарком воспользовался случаем, чтобы наложить на все население города какую-то новую контрибуцию. Кажется, по этому приказу каждый квартиронаниматель должен был внести в казначейство за счет домовладельца трехмесячную квартирную плату. Домовые комитеты составляли списки и собирали деньги, стараясь придержать их как можно дольше у себя. И действительно, от большинства комитетов большевики не успели получить своей mzды.

Еще в последний вечер пресловутая комиссарша Евгения Бош на митинге в Купеческом собрании с пафосом восклицала, что Киев не будет сдан. А через два часа она, вместе с другими сановниками, промчалась по Александровской улице вверх на особо быстроходных автомобилях, которые доставляли своих седоков на левый берег Днепра...

Последние ночи, как обычно пред сменой власти, были довольно тревожные. Во всех домах дежурила охрана, организованная домовыми комитетами из жильцов. Имел место целый ряд налетов.

Пожаловали незваные гости в эту ночь и к нам. К дому подъехал чуть ли не целый эскадрон в расшитых мундирах одного из гвардейских полков. И вместо того чтобы протанцевать балет из «Пиковой дамы», эти кавалеристы занялись повальным обыском во всех квартирах. Для остратки было выпущено на лестнице несколько зарядов, жертвой которых пал один из наших жильцов. А затем приступили к обходу квартир.

Остальные жильцы, как говорится в газетной хронике, отделались испугом. Была своевременно вызвана охрана, состоявшая из солдат какого-то другого полка. Обе части вели некоторое время переговоры и, кажется, чуть-чуть не поменялись ролями. Но в конце концов, вероятно в предвидении наезда еще какой-нибудь третьей части, объяснили дело поисками оружия и оставили нас.

На следующее утро после бегства Евгении Бош и остальных комиссаров в город вступили довольно мизерные украинские части под командой Петлюры. Немцы из галантности предложили им честь войти первыми. А в середине дня в городе стало известно, что на вокзале немцы.

С тех пор советская власть в значительной мере интернационализировала население России – по крайней мере, в том смысле, что большинство готово приветствовать иностранцев всех наций, лишь бы они избавили его от большевизма. Но в 1918 году настроение было, разумеется, еще иное. За три недели пребывания у нас большевики не успели настолько досадить киевлянам, чтобы заглушить в них все другие чувства.

Имена Гинденбурга и Макензена вызывали трепет, но не внушали симпатии. И приход немцев, в качестве победителей и покровителей, ощущался как что-то обидное и оскорбительное. Наиболее ярко выразил эти чувства В.В. Шульгин, который в день прихода немцев выпустил прощальный номер «Киевлянина», с полной достоинства передовой статьей, и временно прекратил издание своей газеты. «Киевлянин» возобновился только в сентябре 1919 года, после вступления в Киев Добровольческой армии. Те же чувства, в менее острой форме, разделялись тогда всеми. Но любопытство брало верх, и киевляне массами устремлялись на вокзал, чтобы поглядеть на заморских гостей. Должен сознаться, что побывал в тот день на вокзале и я. 3¹/₂ года мы не видели ни одного немца, не слышали немецкого слова, не прочли немецкой газеты. Было уже очень любопытно поглядеть на них, да еще в такой неожиданной обстановке.

Немецкие войска, которые мы увидели на Киевском вокзале, были очень мало похожи на тех молодцеватых манекенов, которые в мирное время занимались шагистикой на улицах Берлина. Вид они имели обветренный, уставший и истощенный. Одетые в однотонно-серый цвет, с серыми мешками на плечах, возле серых повозок и кухонь, немецкие полки производили впечатление какого-то каравана странников.

Впрочем, на следующий день на Софийской площади немецкое командование устроило довольно импозантный парад, который, по словам присутствовавших, уже более напоминал наши прежние впечатления о германской армии.

Раздел 2 ВЕСНА—ЛЕТО 1918 ГОДА

*А. Лукомский*⁴⁰ НА УКРАИНЕ В 1918 ГОДУ⁴¹

...Утром 2/15 марта я приехал в Царицын и отправился искать себе помещение.

Нашел за десять рублей в сутки крошечную комнату в очень грязной гостинице. Все приличные гостиницы оказались реквизированными для надобностей большевистских штабов и учреждений.

Я чувствовал, что на мне масса насекомых, а потому сейчас же отправился в магазин, купил смену белья и пошел в баню.

Прожив в Царицыне неделю, я увидел, что положение мое скоро станет драматичным: деньги таяли, а надежды скоро соединиться с армией не было.

Я решил отыскать какую-нибудь работу.

Пошел в контору местного купца Серебрякова и спросил хозяина.

Мне указали на плотного старика, стоявшего в конторе, в пальто и с шапкой на голове.

Я подошел и сказал, что хорошо грамотен, знаю бухгалтерию и прошу дать мне работу.

Он молча на меня посмотрел, а затем раздраженным тоном сказал:

«Грамотных теперь не требуется. Да я, впрочем, теперь уже и не хозяин; хозяйева – вот эта с.....! – и указал на нескольких юношей, сидевших за столом. – Попробуйте обратиться к ним».

Я повернулся и вышел из конторы.

На другой день, обедая в ресторане, я увидел за соседним столиком адъютанта генерала Корнилова – Толстова⁴² и мужа дочери генерала Корнилова – моряка Маркова (как потом я узнал, они приехали из Владикавказа, куда сопровождали из Ростова семью генерала Корнилова. – А. Л.).

По выходе из ресторана меня нагнал Толстов и спросил, когда и где он может меня увидеть.

Я назначил ему свидание у себя в номере через час.

Толстов, придя ко мне и увидев обстановку моего номера, сказал, что он постарается меня устроить лучше, и обещал зайти на другой день.

На другой день, под вечер, он пришел и сказал, что меня просит сейчас же прийти его хороший знакомый Х.

Я пошел.

---

⁴⁰ **Лукомский Александр Сергеевич**, р. в 1868 г. Из дворян. Окончил Полтавский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1888), академию Генштаба (1897). Генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного главнокомандующего. Участник выступления ген. Корнилова в августе 1917 г., быходец. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г., начальник штаба Алексеевской организации. С 24 декабря 1917 г. начальник штаба Добровольческой армии, с 2 февраля 1918 г. представитель Добровольческой армии при атамане Всевеликого войска донского. С февраля 1918 г. в командировке Царицын—Харьков—Севастополь—Одесса для связи с офицерскими организациями. В июле 1918 г. возвратился на Дон, с августа 1918 г. зампредела Особого совещания и помощник командующего Добровольческой армией, с октября 1918 г. начальник Военного управления. С 12 октября 1919 г. до февраля 1920 г. председатель Особого Совещания при главнокомандующем ВСЮР. В марте 1920 г. выехал в Константинополь, с апреля 1920 г. представитель Русской армии при союзном командовании. С ноября 1920 г. в распоряжении главнокомандующего. В эмиграции в Белграде, США, во Франции; помощник вел. Кн. Николая Николаевича, с 1928 г. в распоряжении председателя РОВС. Умер 25 февраля 1939 г.

⁴¹ Впервые опубликовано: *Лукомский А.С. Воспоминания*. Т. 1—2. Берлин, 1922.

⁴² Он был штабс-ротмистром Текинского конного полка.

Х. принял меня как родного. После всех мытарств я с наслаждением провел время в хорошей обстановке и был накормлен отличным обедом.

На следующий же день Х. меня устроил на квартире у своего тестя.

Какое наслаждение было получить хорошую комнату, кровать с чистым бельем и иметь возможность пользоваться ванной! У милых и гостеприимных стариков я и обедал.

Прожил я у них до половины марта. Сообщение с Тихорецкой не восстанавливалось, и я начал терять надежду на возможность соединиться с Добровольческой армией.

Однажды пришел ко мне Толстов и сообщил, что у местного комиссара Минина (он же был городским головой) начальником штаба состоит полковник Генерального штаба К., которого я за скандал, произведенный им в пьяном виде под Новый год в Новочеркасском офицерском собрании, отчислил от штаба Добровольческой армии.

На следующий день я получил сведение, что за мной начинают следить и что мне необходимо немедленно уезжать.

Запасшись от Х. рекомендательным письмом к одному из его знакомых в Харькове и взяв у него в долг триста рублей, я в тот же день отправился в Харьков.

Выбрал Харьков потому, что, собственно, больше некуда было ехать и, кроме того, надеялся разыскать там моих детей.

За время моего пребывания в Царицыне я выяснил, что большевиками прекращена была всякая коммерческая жизнь в городе. Местные купцы, домовладельцы и просто «буржуи» были сильно ограблены, и очень немногим из них, путем взяток, удалось сохранить возможность вести сносную жизнь.

Постоянного террора еще не было.

Периодически справлялись с отдельными лицами, которых считали опасными.

Серьезному же преследованию и расстрелу подвергались лишь те, коих заподозривали в причастности к Добровольческой армии.

* * *

До Харькова я добрался благополучно.

Там я сначала поместился в гостинице, но затем, благодаря рекомендации Х., я отлично устроился в богатом доме одной старушки, германской подданной.

Нельзя обойти молчанием, что при бывших в Харькове грабежах и уплотнениях квартир распоряжением большевиков, хотя этот дом был полной чашей, в него ни разу не заглянул ни один большевик.

Как мне передавали, в период первого владычества большевиков в Харькове замечалось их крайне внимательное отношение вообще ко всем германским подданным. Хотя не трогали и швейцарских граждан, но отношение к ним все же не было таким предупредительным, как к германским подданным.

Своих детей (дочь 15 лет и сына 14 лет) я отыскал в Харькове. Устроились они в одном очень милom швейцарском семействе.

Про свою же жену, выехавшую на лошадях из Новочеркасска 10/23 февраля вместе с генералом Ванновским⁴³, никаких сведений я не имел.

Она предполагала на лошадях доехать до одной из станций железной дороги Царицын—Тихорецкая и оттуда, через Царицын, пробраться в Москву, чтобы постараться ликвидировать имущество нашей квартиры и спасти свои драгоценности, бывшие в банке.

---

⁴³ **Ванновский Глеб Михайлович**, р. в 1862 г. Из дворян. Окончил Пажеский корпус (1882) и академию Генштаба (1891). Генерал-лейтенант, командующий 1-й армией. Участник выступления ген. Корнилова в августе 1917 г.. Быховец. С конца 1917-го по февраль 1918 г. в Добровольческой армии.

Испытав на себе все прелести путешествия на лошадях из района, занятого Добровольческой армией, я решил, что моя жена погибла.

Но через 2—3 дня после моего приезда в Харьков одной нашей знакомой, княгиней Голицыной, было получено из Москвы письмо от моей жены. Я успокоился и решил, что в ближайшем будущем она сумеет как-нибудь пробраться из Москвы в Харьков на соединение с детьми.

С января 1918 года я чувствовал себя отрезанным от мира и, в сущности говоря, ничего не знал о том, что происходит вне района, в котором я находился. Будучи в районе Добровольческой армии, окруженной большевиками со всех сторон, а затем оторвавшись от армии и попав в Царицын, я питался лишь слухами, и ничего верного до меня не доходило.

Приехав в Харьков, я, через бывшего члена Государственного совета Н.Ф. Дитмара, связался с группой углепромышленников, которая субсидировала тайную офицерскую организацию.

На квартире одного из членов этой группы я познакомился с полковником, стоявшим во главе Харьковской военной организации, и с командиром офицерского батальона.

В распоряжении Харьковской военной организации имелось три тысячи винтовок с достаточным количеством патронов и около двадцати пулеметов. Была надежда, в случае восстания, получить четырехорудийную батарею; личный состав для батареи был подготовлен.

В батальоне, который, по словам полковника, стоявшего во главе организации, можно было бы собрать в любой момент, числилось около тысячи человек. Кроме того, в списке офицеров, живших в Харькове, числилось около двух тысяч человек. Эти последние не были помещены в существующую организацию. Каждый из офицеров батальона должен был, в случае необходимости, привести 2—3 офицеров, значившихся в списке и лично ему известных.

Такие же организации, но в меньших размерах, существовали в других городах Харьковской и Полтавской губерний.

Познакомившись с организацией дела в Харькове, я преподал некоторые организационные советы руководителям ее и затем указал, что никакие преждевременные выступления недопустимы. Необходимо выждать, пока окажется возможным иметь связь с генералами Корниловым и Алексеевым⁴⁴, и свои действия строго согласовать с указаниями, которые будут получены. При этом сказал, как свое личное мнение, что считаю наиболее правильным, чтобы все офицеры, которые это могут сделать, направлялись на усиление Добровольческой армии. На местах же могут оставаться лишь те, кои, вследствие семейных или других причин, в армию ехать не в состоянии. Эта группа офицеров может взяться за оружие лишь при подходе Добровольческой армии, дабы преждевременным выступлением не губить дела и не подвергать напрасно террору тех, которые сидят на месте.

* * *

В двадцатых числах марта меня в Харькове разыскал моряк, лейтенант Масленников⁴⁵, который служил для связи между генералами Корниловым и Алексеевым и Московским Национальным центром⁴⁶, в состав которого вошли представители всех антибольшевистских кругов от правых до социалистов включительно.

---

⁴⁴ **Алексеев Михаил Васильевич**, р. в 1857 г., сын солдата сверхсрочной службы. Окончил Тверскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1876), академию Генштаба (1890). Генерал от инфантерии. С 1 апреля 1917 г. Верховный главнокомандующий, с 30 августа до 11 сентября 1917 г. начальник штаба при главкомверхе А.Ф. Керенском. Основоположник Добровольческой армии; с декабря 1917 член триумвирата «Донского гражданского совета», с 18 августа 1918 г. верховный руководитель Добровольческой армии. Умер 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре.

⁴⁵ **Масленников Сергей Александрович**, р. в 1891 г. Окончил Морской корпус (1914). Лейтенант. В 1918 г. был арестован и, по-видимому, расстрелян.

⁴⁶ Национальный центр был образован в мае—июне 1918 г. как объединение российских политических деятелей несо-

Этот центр, конечно, вел работу конспиративно; хотя, по-видимому, про его существование большевикам было известно, но они, по указке ли немцев, или по своим соображениям, пока его не трогали и на его деятельность смотрели сквозь пальцы.

Масленников рассказал мне, что в Москве назревает восстание, что различные организации объединились и что руководители убеждены в полном успехе. Но что в Москве нет никого из авторитетных военных, кто мог бы руководить военной стороной дела; что членов Московского Национального центра особенно беспокоит вопрос о том, кому можно поручить направление деятельности военных организаций; особенно важно, чтобы после намеченного переворота было лицо, которое твердо и правильно поставило бы дело и прибрало к рукам все разнообразные военные организации. Что он командирован в Харьков специально ко мне, чтобы, от имени Национального центра, предложить мне немедленно прибыть в Москву и принять руководство военной стороной дела.

Я его спросил, насколько справедливы слухи о том, что Московский Национальный центр раскололся; что часть членов приняла немецкую ориентацию, считая, что спасение от большевиков возможно лишь при соглашении с немцами; что другая часть членов остается верной союзу с Францией и Англией и не допускает мысли идти по пути соглашения с Германией.

Масленников, как мне показалось, несколько смазывал свои ответы.

Он подтвердил, что действительно вопрос ориентации возник, но раскола не произошло; что группа, считающая возможным договориться с немцами, предварительно считает необходимым определенно и ясно поставить вопрос о помощи от англичан и французов, что только при отказе их оказать действительную поддержку они считают возможным начать переговоры с немцами, которые действительно предлагают с ними договориться.

На мой вопрос, кем же он ко мне прислан, он ответил, что А.В. Кривошеиным⁴⁷ и Вл.И. Гурко⁴⁸.

– Есть ли у вас какое-либо письмо ко мне или что-либо иное в письменной форме, что подтвердило бы мне, что вы действительно присланы ко мне указанными лицами?

– Нет, у меня ничего нет; мне поручено это передать вам на словах. Вы меня знаете, и мы считали, что у вас не будет никаких сомнений.

– Можете ли вы мне подробно рассказать про существующие в Москве военные организации? Что они из себя представляют по составу, численности, спайке и по обеспеченности военными припасами на период выступления?

– Нет, я этого не знаю.

После этого я сказал Масленникову, что согласием на подобное предложение ответить трудно. Что все это представляется мне довольно легкомысленным. Что ехать в Москву с тем, чтобы сейчас же быть повешенным на фонарном столбе, мне не хочется. Что если мне это суждено, то оно в свое время и случится, но ускорять ход событий я не намерен.

– Передайте А.В. Кривошеину и Вл.И. Гурко, что если они действительно хотят моего приезда, то пусть мне об этом напишут и пришлют вас и какого-нибудь генерала, стоящего во

циалистической ориентации, ориентирующихся на союзников России по мировой войне – страны Антанты. Непосредственной причиной его создания был выход ряда видных членов кадетской партии из состава Правого центра и Совета общественных деятелей – организаций, принявших прогерманскую ориентацию, в то время как Союз возрождения, придерживавшийся союзнической ориентации, состоял в основном из эсеров и иных левых элементов. До своего ареста в начале 1919 г. председателем Национального центра был Д.Н. Шипов, затем – Н.Н. Щепкин. Видную роль в центре играли Н.И. Астров, С.А. Котляревский, П.Б. Струве, М.М. Федоров, Н.К. Кольцов, князь С.Е. Трубецкой, М.С. Фельдштейн, В.Н. Челищев, В.Н. Муравьев, А.Г. Хрущев, О.П. Герасимов и др. Национальный центр теснейшим образом был связан с Добровольческой армией, ряд его деятелей входили в состав Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР.

⁴⁷ **Кривошеин Александр Васильевич**, р. в 1858 г. Сын подполковника. Окончил гимназию в Варшаве и Санкт-Петербургский университет. Главноуправляющий землеустройством и земледелием. В 1917—1918 гг. председатель Союза земельных собственников, один из руководителей Правого центра. В 1920 г. в Крыму возглавлял правительство при главнокомандующем Русской армией бароне П.Н. Врангеле. В эмиграции во Франции. Умер в 1923 г.

⁴⁸ Воспоминания В.И. Гурко публикуются ниже.

главе одной из наиболее крупных организаций, чтобы он мог дать мне исчерпывающие ответы на все мои вопросы. А на предложение, делаемое в той форме, как делаете вы, я отвечаю определенным отказом.

* * *

Злободневными в Харькове разговорами были слухи и поступавшие сведения о приближении немцев. Киев был ими занят 15 февраля/1 марта.

В начале апреля я с большим интересом прочитал в одной из харьковских газет статью Василия Витальевича Шульгина, перепечатанную из последнего номера закрывшегося «Киевлянина» от 10/23 марта (№ 16):

«Выпуская последний номер «Киевлянина», мы позволяем себе напомнить всем, кому о сем ведать надлежит, что мировая война не кончилась; что жесточайшая борьба будет продолжаться на западном фронте; что уничтожение России есть только один из эпизодов этой войны; что на место России вступила Америка, что русский вопрос не может быть решен окончательно ни в Бресте, ни в Киеве, ни в Петрограде, ни даже в Москве, ибо карта Европы будет вычерчена на кровавых полях Франции, где произойдет последняя решительная борьба. Мы позволяем себе сказать еще, что нынешнее состояние России не есть гибель русского народа, но это есть несомненная гибель «русской революции».

Социалисты воображали, что так называемая контрреволюция пройдет от рахитичных русских капиталистов или от мечтательных русских помещиков, подаривших миру Льва Толстого – гениального Манилова. Во имя этой несуществующей контрреволюции они расстреливали и уничтожали тот небольшой культурный класс, который в России единственно был носителем национальной гордости и готов был подвергнуться всем экспериментам «социализма», лишь бы сохранить независимую свою родину.

Задача блестяще удалась. Людей, любивших свое отечество, смяли и растоптали из страха перед «ней». Но когда это было сделано, «буржуи» уничтожены, тогда-то и пришла «она»...

Пришла сильная, спокойная, уверенная... И все эти жалкие людишки покорно стали на колени и приветствовали ее появление.

Контрреволюция пришла в образе немецких офицеров и солдат, занявших Россию. Тех немецких солдат, у которых «нервы оказались крепче».

Ибо что такое контрреволюция в глазах безмозглых митрофанушек социализма?

Контрреволюция – это порядок, это крепкая власть, это конец безделью, болтовне, конец надругательствам и насилиям над беззащитными и слабыми. Так вот, поздравляем вас, господа революционеры!

Немцы принесли этот порядок на своих штыках... и прежде всего – приводя в действие железные дороги, приказывая вымыть и вымести дочиста наш несчастный Киевский вокзал, эту эмблему современной культуры, которую вы столько времени пакостили во славу демократических принципов.

Чистота и опрятность. Есть ли начало, более враждебное грязью венчанной русской революции?

Ах, господа, вы не хотели отдавать чести русским офицерам.... А теперь с какой готовностью вы отдаете эту «честь» немцам! Почему? Да потому, что они избавили вас от самих себя, что они спасают вашу собственную безумную жизнь, потому, что в звериной ненависти, вами овладевшей, вы перегрызли бы горло друг другу! И вы глубоко благодарны пинку немецкого приклада, который привел вас в чувство.

Но мы, мы немцев не звали. Когда вы расстреливали нас и жгли, мы говорили – «убивайте и жгите, но спасите Россию». И так как мы немцев не звали, то мы не хотим пользоваться

благами относительного спокойствия и некоторой политической свободы, которые немцы нам принесли. Мы на это не имеем права. А то, что нам не принадлежит по праву, мы не возьмем даже в том случае, если бы нам его отдали «без выкупа». Мы ведь не социалисты – благодарение Господу Богу!

Мы были всегда честными противниками. И своим принципам мы не изменим. Пришедшим в наш город немцам мы это говорим открыто и прямо.

Мы ваши враги. Мы можем быть вашими военнопленными, но вашими друзьями мы не будем до тех пор, пока идет война.

У нас только одно слово. Мы дали его французам и англичанам, и, пока они проливают свою кровь в борьбе с вами за себя и за нас, мы можем быть только вашими врагами, а не издавать газету под вашим крылышком.

Да, если бы «Киевлянин» стал вновь выходить, то это значило бы, что немцы обеспечили ему безопасность. Даже эти строчки, которые сейчас пишутся, могут быть выпущены благодаря попустительству немецкой власти.

Если бы «Киевлянину» была дана возможность выходить, то это значило бы, что здесь расчет или великодушие.

Расчетам помогать мы не хотим, великодушия принять не можем.

Мы хорошо понимаем значение только что сказанных слов, но и враги наши поймут, что иного выхода для честных людей нет.

Какие последствия будут для нас лично – мы не знаем, но ту часть русского общества, от имени которой мы позволяем себе говорить, немцы принуждены будут уважать, как они вынуждены презирать тех, кто сейчас пресмыкается перед ними.

И мы хорошо знаем, что, когда наступит время действительного примирения, когда кончится эта ужасная мировая борьба, кончится миром, не постыдным для всех, кто честно боролся за свою родину, тогда честные противники скорей столкнутся друг с другом, чем бесчестные друзья».

Статья эта была более чем своевременна.

Немцы планомерно занимали хлебный район юго-западного края и протягивали щупальца ко всем крупным центрам Малороссии, с целью постепенно занять весь юг России и создать себе прочную продовольственную базу для продолжения борьбы на западе.

Большевики отступали перед немцами почти без всякого сопротивления. Но при этом отступлении происходило что-то странное.

Большая часть большевистских сил отступала не на север или северо-восток для прикрытия Великороссии, а на восток – для создания фронта для борьбы с казаками и добровольцами.

Чувствовалось, что для советского правительства немцы как будто не страшны и что между ними существует какое-то соглашение.

Все данные, поступающие из разных источников, указывали на то, что немцы готовы были прекратить в России большевизм, ими же насажденный. Но, по-видимому, германские правящие круги сами не знали, как будет более правильно разрешить эту задачу.

Несомненно, что были предположения принять меры к прекращению большевизма и воссозданию сильной России. Но для Германии было важно, чтобы эта Россия была для нее союзной или, в худшем случае, нейтральной.

Между тем существование на юге России Добровольческой армии, верной Англии и Франции, которая, при возрождении России, явилась бы естественно ядром русской армии, и существование в России политических групп, которые определенно высказывались за необходимость для России выполнить свой долг в совместной борьбе с союзниками против Германии до конца, заставляло германское правительство поддерживать связь с советским правительством и склоняться в сторону расчленения России и создания самостоятельной и послушной ей Украины.

События между тем на Украине развивались. В Вербную субботу немцы вошли в Харьков и выдвинули авангарды к Белграду и Чугуеву.

Большинство харьковского населения ликовало и благословляло немцев за освобождение от большевиков.

Но через несколько дней многие, с которыми мне пришлось говорить, уже не чувствовали себя так радостно настроенными.

Один из обывателей правильно характеризовал чувство, которое испытывало большинство: «Шкура радуется, что мы освобождены от большевиков, а душа болит, что это сделано немецкими руками».

Интеллигенция и помещики, в своей массе напуганные зверствами и расстрелами большевиков, выбитые из привычной колеи жизни и измученные постоянным ожиданием новых ужасов, новых преследований, готовы были броситься хоть черту на рога, лишь бы избавиться от большевиков.

Для немцев момент был подходящий, чтобы привлечь на свою сторону массу, жаждущую порядка и прекращения наступившей смуты.

Перед Пасхой я встретил в Харькове двух видных общественных деятелей, бывших членов Государственной думы Н.И. Антонова и князя А.Д. Голицына. Оба они лихорадочно занимались подготовкой созыва съезда «хлеборобов» для выбора гетмана.

Немцы, заняв юго-западный край России, естественно, стремились создать в этом районе твердую власть и иметь прочный административный аппарат, который обеспечил бы порядок в стране и дал бы им возможность пользоваться этим аппаратом, чтобы богатый край действительно стал их продовольственной базой и они могли бы получать все предметы продовольствия быстро и без всяких затруднений.

Для немцев было необходимо, чтобы эта власть была им дружественна и чувствовала, что она им обязана своим благополучием.

Правительство, которое немцы застали на Украине, их не могло удовлетворить: социалистическое правительство, с некоторым уклоном в сторону большевизма, а главное, стремившееся провести немедленно земельную реформу с уничтожением крупного частновладения, совершенно не гарантировало скорого водворения порядка, не гарантировало возможности спокойно и планомерно начать вывоз в Германию всего необходимого.

Немцы были хозяевами только по линиям железных дорог и в городах, занятых их гарнизонами. Отсюда они вывозили все, что возможно, и, кроме того, организовали правильную ежемесячную отправку каждым своим солдатом к себе на родину посылок, по полпуда каждая. Солдаты должны были отправлять в посылках съестные припасы, главным образом муку, крупу, сахар, сало и колбасы.

Но этого для немцев было недостаточно; им, повторяю, надо было установить такой русский правительственный административный аппарат, который дал бы им возможность хозяйничать во всей стране, а не только по железнодорожным артериям.

На Украине, кроме крупного помещичьего класса, был недоволен создавшимся положением многочисленный класс довольно крупных крестьянских собственников – хлеборобов, которым проектируемые реформы украинского правительства грозили полным разорением.

Представители германских властей в оккупированном районе вошли в соглашение с видными представителями помещичьего класса и общественных организаций, несочувственно относившимися к намечавшимся реформам, и было решено созвать в Киеве съезд хлеборобов, который должен был выбрать гетмана, и затем старое правительство должно было быть ликвидировано.

Все было обставлено так, что немцы якобы оставались в стороне, не вмешиваясь в то, что происходит.

Время (апрель месяц) для съезда хлеборобов, из-за полевых работ, было неподходящее. Чтобы съезд состоялся, надо было материально хорошо обставить крестьян – участников съезда и не только возместить им расходы, но и дать им некоторую денежную прибыль.

По упорно циркулировавшим слухам, немцы на устройство съезда хлеборобов отпустили пятнадцать миллионов рублей.

Съезд состоялся; съехалось свыше девяти тысяч хлеборобов, и с феерической быстротой, 15/28 апреля, было произведено заранее подготовленное избрание в гетманы Украины генерала Скоропадского.

Во время съезда хлеборобов в Киеве часть этого съезда отказалась от выбора гетмана, и образовалось другое собрание – «спилка».

Но выбор украинским гетманом Скоропадского был признан немцами, и они, объявив об этом, заявили, что гетмана будут поддерживать, а всякие выступления против него они, с целью поддержания порядка в оккупированном ими крае, будут подавлять силою оружия.

Спилка была разогнана, а наиболее непокорная из ее состава часть арестована немцами.

Гетман Скоропадский сформировал правительство и, опираясь на силу германских штыков, вступил в управление краем.

Как показали дальнейшие события, власть, полученная из немецких рук и опиравшаяся на немецкие войска, стала непопулярной для массы населения.

Если бы правительство гетмана Скоропадского было более дальновидно, то, правильно организовав и вооружив крепких земельных собственников – крестьян (хлеборобов), оно, может быть, сумело бы создать такую обстановку, при которой, после ухода немцев, власть сохранилась бы в его руках и большевизм не охватил бы Малороссии.

Но гетманское правительство ничего реального не сделало для поддержания этого единственно надежного класса населения, а стремилось сначала создать крупную регулярную армию, а порядок поддерживать полицейскими мерами.

Полицейских же мер оказалось недостаточно, а создать более или менее прочную регулярную армию не позволили немцы.

Были созданы только штабы, назначены начальствующие лица, а солдат оказалось мало...

В двадцатых числах апреля я со своими детьми приехал в Киев.

Решив оставить детей в Киеве у сестры моей жены, я сам хотел пробраться опять в Добровольческую армию.

К этому времени немцы продвинулись на восток до реки Дона и заняли Крым.

При занятии Крыма немцами произошел интересный эпизод: первоначально германские части наступали на Крым совместно с украинской бригадой, бывшей под командой генерала Натиева⁴⁹; но у станции Джанкой головной эшелон этой бригады был остановлен немцами, а затем они потребовали удаления украинцев из пределов Крыма и заняли его самостоятельно.

Впоследствии украинское правительство неоднократно возбуждало вопрос о присоединении Крыма к Украине, но немцы определенно отвечали, что Крым должен оставаться самостоятельным.

---

⁴⁹ **Натиев Александр**, р. в 1873 г. Окончил Константиновское артиллерийское училище (1894), Михайловскую артиллерийскую академию. Генерал-майор, командир 4-й артиллерийской бригады. В 1918 г. в гетманской армии; с весны до 17 октября 1918 г. командир Запорожской дивизии (15 октября 1918 г. утвержден в чине генерального хорунжего со старшинством с 20 мая). В Добровольческой армии с осени 1918 г., инспектор формирования войск на Кавказе. Убит 16 июня 1919 г. в Батуме.

* * *

Приехав в Киев, я через одного моего знакомого попросил узнать, когда гетман Скоропадский может меня принять. В тот же день мне было сообщено, что гетман просит меня к себе на другой день.

К назначенному часу я пошел в так называвшийся гетманский дворец (старый генерал-губернаторский дом).

Гетман сейчас же меня принял и, сказав, что ему хотелось бы со мной подробно поговорить, попросил подождать в кабинете его начальника канцелярии полтора часа, после чего «мы с вами позавтракаем и на свободе, после завтрака, поговорим, ждать же вам не будет скучно, так как здесь есть несколько генералов, ваших старых знакомых, которые хотели с вами повидаться».

Я согласился.

В час дня меня позвали в столовую. За стол село человек двенадцать, в их числе был новый председатель Совета министров Лизогуб и генеральный секретарь Игорь Кистяковский.

Когда уже все сидели за столом, в комнату вошел германский офицер и, извинившись за запоздание, сел на свободное, оставленное для него место.

По манере себя держать и по нескольким сказанным фразам мне стало ясно, что этот германский офицер постоянный гость на гетманских завтраках.

Я спросил у моего соседа за столом: «Кто этот немец?»

«А это известный здесь и очень влиятельный граф Альвенслебен».

Германский офицер за завтраком очень мало говорил, но очень внимательно слушал. Разговор шел на русском и частью на французском языке.

После завтрака гетман пригласил меня к себе в кабинет и очень горячо стал мне объяснять, что он согласился быть выбранным в гетманы только потому, что, по его мнению, это был лучший выход из создавшегося положения; что он не «щирый украинец», что вся его работа будет идти на создание порядка на Украине, на создание хорошей армии и что, когда Великобритания изживет свой большевизм, он первый подымет голос за объединение с Россией; что он отлично понимает, что Украина не может быть «самостийной», но обстановка такова, что ему пока необходимо разыгрывать из себя «щирого украинца»; что для него самое больное и самое трудное – это работать с немцами, но опять-таки и здесь это единственно правильное решение, так как, только опираясь на силу, он может создать порядок на Украине; а единственная существующая и реальная сила – это немцы; что Добровольческая армия силы из себя серьезной не представляет, и немцы никогда не допустят ее усиления: тогда она станет для них опасной. А потому, как бы он ни сочувствовал генералу Деникину, опираться на него не может, а принужден опираться на немцев.

Вот когда удастся создать прочную регулярную армию на Украине, тогда он иначе будет разговаривать и с немцами.

На это я ответил, что немцы все это понимают не хуже, чем он, и создать сильную армию на Украине они ему не позволят.

– Нет, я этого добьюсь; я получил уже принципиальное обещание, что мне будет разрешено сформировать девять корпусов.

– Обещаний немцы подают много, но настоящей армии сформировать вам не позволят.

После этого гетман сказал, что хотя он получил принципиальное согласие немцев на сформирование девяти корпусов, но в действительности ему пока разрешено сформировать три корпуса; но что он надеется вскоре получить окончательное разрешение на сформирование всех девяти корпусов.

Затем он добавил, что все же учитывает возможность задержки в получении этого разрешения и что у него разработан проект сформирования в провинции особых частей для поддержания порядка в уездах; что эти части будут иметь в своем составе значительное число офицеров и, когда потребуется, могут послужить кадром для развертывания в более крупные войсковые части; что для немцев необходим на Украине полный порядок и что они поэтому дадут разрешение как на сформирование новых корпусов, так и на организацию проектируемых им отрядов для поддержания порядка в уездах.

Я пожелал ему успеха, но еще раз высказал сомнение относительно того, чтобы немцы, разложившие русскую армию и выведшие ее из мировой борьбы, позволили ему создать новую армию, которая может обратиться против них же.

Затем гетман Скоропадский, совершенно для меня неожиданно, предложил мне быть военным министром в его правительстве.

– Я убежден, что мы с вами скоро сформируем хорошую армию, – добавил он.

Я категорически отказался, сказав, что возвращаюсь в Добровольческую армию и, кроме того, никогда и ни при каких условиях не соглашусь работать с немцами, которые не в честном бою, а подлыми предательскими приемами погубили нашу армию и продали Россию в руки большевиков, главные из которых евреи, преследующие не русские, а интернациональные цели.

Гетман Скоропадский высказал свое сожаление, что я не хочу с ним работать, и сказал, что он все же надеется, что я не откажу ему в совете, когда он ко мне обратится.

Больше мы с ним не виделись, и ни за какими советами он ко мне не обращался.

* * *

То, что я видел и слышал в этот период в Киеве, убедило меня в том, что политика Германии как в отношении России в целом, так и по отношению к Украине была явно колеблющаяся, неопределенная.

Конечно, в руках у нас нет документальных данных относительно указаний германского правительства своим представителям в России, но о многом можно судить по фактам, по распоряжениям местных германских властей (представителей), по разговорам фельдмаршала Эйхгорна, по словам игравшего заметную роль графа Альвенслебена, а также по разговорам германских офицеров с теми русскими, с которыми они сошлись и подружились. Наконец, политика правительства гетмана Скоропадского и Донского представительства в Киеве отражала в себе колеблющуюся и неопределенную политику Германии.

Прежде всего получалось впечатление, что между военными и гражданскими представителями Германии в России существует различие во взглядах на будущее России.

Маршал Эйхгорн неоднократно высказывал, что для Германии необходимо воссоздать сильную, единую и дружественную Германии Россию; но и здесь отражались колебания центрального правительства: то говорилось о необходимости воссоздать единую Россию, то о создании сильной Украины, независимой от Великобритания.

Что касается политического представителя Германии на Украине барона Мума, то в его словах явно чувствовалось нежелание принять решительные меры для воссоздания не только сильной единой России, но и сильной Украины.

Получалось отчетливое впечатление, что немцы хотят водворить порядок в России, пользуясь последней как своей базой для получения продовольствия и сырья, но, с другой стороны, не верят в то, что Россия превратится в их союзницу и, напротив, опасаются, что водворение порядка в России, в частности на Украине, и воссоздание ими только что разрушенной армии может грозить им опасностью и вновь может создать для них восточный фронт.

Но вместе с этим, не имея восточного фронта, немцы все же принуждены были ввести в пределы России около 600 тысяч человек войска и, по мере продвижения на восток, отлично

сознавали, что их положение становится все менее и менее прочным, что требуется новое увеличение войска и что этому нет предела. Растущее против них возбуждение среди населения указывало, что хотя, занимая железные дороги и главные населенные центры, и можно поддерживать в стране сравнительный порядок, но близко то время, когда из глубины страны они ничего не будут в силах получать, близки восстания в отдельных районах и скоро предстоит новое увеличение их войск в оккупированной ими стране.

Получался заколдованный круг: с одной стороны, было опасно дать возможность сорганизоваться новой русской армии из-за опасения вновь создать для себя восточный фронт, а с другой стороны, чтобы пользоваться Россией как продовольственной базой, необходимо было в ее пределах держать сильную армию, ослабляя западный фронт в то время, когда их противники там усиливались и назревали решительные бои, которые должны были решить участь всей борьбы и будущую судьбу Германии.

Что касается отношения немцев к Добровольческой армии, то и оно было крайне неопределенное.

Когда я приехал в Киев, то застал там совершенно открыто функционировавшее бюро записи в Добровольческую армию. Никто не разрешал открывать это бюро, но никто против этого и не возражал.

Запись шла открыто, и офицеры без всяких препятствий и затруднений отправлялись на Дон в состав Добровольческой армии.

В июне отношение к армии резко изменилось: бюро для записей в ее состав распоряжением правительства гетмана (а штаб гетмана указывал, что это сделано по распоряжению немцев) было закрыто, и было объявлено, что впредь всякая пропаганда в пользу отправки офицеров и солдат в состав Добровольческой армии будет строго преследоваться, что виновные будут арестовываться и предаваться суду и что прекращается выдача разрешений на выезд на Дон без ручательства бывшего в Киеве представителя донского атамана, что отправляющиеся на Дон не едут на пополнение Добровольческой армии.

Вместе с этим из немецких кругов через представителей украинского военного министерства широко началось пропагандирование идеи создания особой южной Добровольческой армии для борьбы против большевиков и с открытыми монархическими лозунгами.

На создание этой армии немцы обещали отпустить крупные суммы и широко снабдить ее всем необходимым из запасов бывших Киевского и Одесского военных округов.

В Киеве и в Харькове были открыты бюро для записи в Южную армию; содержание офицерам и солдатам было назначено крупное, в несколько раз превышавшее получавшееся в армии генерала Деникина.

Все, конечно, делалось не непосредственно немцами, а через украинское военное министерство.

Первоначально предполагалось создать две группы этой армии: одну на Дону на Воронежском направлении, а другую в районе Харькова. Но впоследствии остановились на формировании одной Южной армии – в районе Дона (я ничего здесь не говорю про формирования на Дону так называемых Астраханского и Саратовского корпусов. По слухам, эти формирования также производились с благословения немцев и на их средства. – А. Л.).

Монархические лозунги и хорошее содержание первоначально привлекли многих, и запись началась очень успешно. Записавшихся отправляли эшелонами на Дон.

Но вскоре пыл создателей этой армии остыл: дело в том, что многие офицеры, не веря немцам и сознавая, что формирование армии, идущее с благословения немцев и на их деньги, может оказаться невыгодным русскому делу, и в то же время встречая серьезные затруднения к отправке в Добровольческую армию к генералу Деникину, скоро нашли способ обходить затруднения. Они записывались в Южную армию, а по прибытии на Дон уходили из состава своих эшелонов и пробирались в армию генерала Деникина.

В Харькове и особенно в Киеве начались серьезные репрессии по отношению к офицерам, которые проповедовали необходимость идти на пополнение армии Деникина; их начали арестовывать и содержали в тюрьме как важных государственных преступников.

Формирование Южной армии задержалось вследствие того, что не могли отыскать подходящего популярного генерала, которого можно было бы поставить во главе ее. Предложения (через военное министерство гетмана или через Донского атамана) делались многим, но желающих не находилось. Отказался граф Келлер⁵⁰, отказался князь Долгоруков⁵¹. Наконец, на предложение донского атамана Краснова условно согласился бывший главнокомандующий Юго-Западным фронтом – генерал Н.И. Иванов. Он ответил, что первоначально переговорит с генералом Деникиным. Впоследствии он принял эту армию, но к этому времени немцы уже перестали ею интересоваться, она была в полном развале, и генерал Иванов, убедившись в полной невозможности сформировать из нее что-либо крепкое и значительное, по указанию генерала Деникина ее переформировал в особый отряд, который и вошел в состав Добровольческой армии.

Таким образом, из этой затеи ничего серьезного не вышло, но Добровольческой армии был нанесен существенный вред: открытое провозглашение монархического лозунга было слишком заманчиво для большинства кадрового офицерства, которое революцией было выброшено за борт и превращено в париев. Очень и очень многие из хороших офицеров, стремившихся попасть в Добровольческую армию Деникина, пошли в Южную армию или, не идя ни туда, ни сюда, заняли выжидательную позицию, выясняя, какие же лозунги в Добровольческой армии. Это же послужило причиной задержать свой отъезд в Добровольческую армию и для менее устойчивой части офицеров, нашедших предлог и объяснение для неисполнения своего гражданского долга.

Наконец, надо откровенно сознаться, что и в рядах Добровольческой армии формирование «монархической» армии внесло разлад, и некоторый небольшой процент офицеров перешел в ряды Южной армии.

В результате формирование Южной армии безусловно задержало рост Добровольческой армии и внесло разлад в офицерскую среду.

* * *

Очень многие думали, что немцы искренно хотели создать прочную Добровольческую армию, но все их определенное и более чем двусмысленное поведение во весь период формирования Южной армии ясно указывает, что ими преследовались другие цели: внести разлад в среду русских офицеров; затруднить и задержать дальнейшее усиление Добровольческой армии генерала Деникина и, прельстив старое кадровое офицерство заманчивыми для офицеров лозунгами (в результате ничего им не дав), привлечь их симпатии на свою сторону и помешать идти туда, где они могли бы оказаться для немцев вредными.

Многие возражали против этих выводов, говоря, что немцам, если бы они захотели, ничего не стоило уничтожить Добровольческую армию генерала Деникина и не было смысла прибегать к сомнительным для их выгоды мероприятиям.

---

⁵⁰ **Граф Келлер Федор Артурович**, р. 12 октября 1857 г. в Курске. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1879). Генерал от кавалерии, командир 3-го кавалерийского корпуса. Предполагаемый возглавитель Северной армии. 19—26 ноября 1918 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины в гетманской армии; в ноябре—декабре 1918 г. возглавлял оборону Киева. Убит петлюровцами 21 декабря 1918 г. в Киеве.

⁵¹ **Князь Долгоруков Александр Николаевич**, р. в 1873 г. Окончил Пажеский корпус (1893). Генерал-лейтенант, командир 1-го кавалерийского корпуса. С октября 1918 г. в гетманской армии, с 26 ноября 1918 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины. С декабря 1918 г. в Германии, затем во ВСЮР. В эмиграции в Париже. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Затем в Марокко, в 1938 г. начальник отдела РОВС в Марокко. Умер в 1930-х гг. в Касабланке.

Да, уничтожить Добровольческую армию генерала Деникина, может быть, было сравнительно легко, но обстановка для немцев была так сложна, что предугадать, что вышло бы из этого в результате, было очень трудно.

Нельзя забывать, что немцы рассчитывали получать хлеб и прочее сырье не только из района Украины, но и с Дона и Кубани; кроме того, для них важно было получить связь и с нефтяными районами Грозного и Баку. А для всего этого надо было прежде всего дружелюбно настроиться к себе казачьи области. Иметь их врагами было опасно.

Между тем донские и кубанские казаки были кровно связаны с Добровольческой армией, и открытое преследование последней могло бы вызвать опасные для немцев осложнения в казачьих областях; да и на Украине действия против армии генерала Деникина могли вызвать осложнения для немцев, возбудив против них всех тех, кто сочувствовал этой армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.